

СОВРЕМЕННАЯ *и* КЛАССИКА

Жан-Мишель
Генассия

УДИВИТЕЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ
ЭРНЕСТО ЧЕ

«ИНОСТРАНКА»

Жан-Мишель Генассия Удивительная жизнь Эрнесто Че

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8510987

Генассия Ж.-М. Удивительная жизнь Эрнесто Че : роман. Иностранка, Азбука-Амтикус; Москва; 2014

ISBN 978-5-389-09018-7

Аннотация

Жан-Мишель Генассия – новое имя в европейской прозе. Русские читатели познакомились с этим автором, когда вышла в свет его первая большая книга «Клуб неисправимых оптимистов». Французские критики назвали ее великим романом, а французские лицеисты вручили автору Гонкуровскую премию.

Впервые на русском языке вторая книга писателя – «Удивительная жизнь Эрнесто Че». Главный герой этого повествования, охватывающего без малого век, – врач по имени Йозеф. Вот только век ему достался неизлечимо больной. И хотя молодому медику, которого превратности судьбы забрасывают в Алжир, удастся лечить местных крестьян и даже бороться с эпидемией чумы, он оказывается бессилем и при столкновении с коричневой чумой, обескровившей Европу, и позже, по возвращении на родину, в социалистическую Чехословакию, в атмосфере всеобщей слежки и подозрительности. Единственное, что в этой среде, кажется, не поддается коррозии, – это любовь. Но вот судьба сталкивает Йозефа с таинственным пациентом, латиноамериканцем, которого называют Рамон. Кому из них удастся уцелеть в поединке с системой?..

Содержание

Кристина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Жан-Мишель Генассия

Удивительная жизнь Эрнесто Че

Посвящается Жизель, Анри и Роже

Истина в том, что истины не существует.
Пабло Неруда

Jean-Michel Guenassia
LE VIE RÊVÉE D'ERNESTO G
Copyright © Editions Albin Michel – Paris 2012
© Е. Клокова, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство Иностранка®

* * *

Все пражские Капланы были врачами. Профессия передавалась по наследству от отца к сыну на протяжении жизни десятка поколений. Дед Йозефа, профессор Густав Каплан, составил генеалогическое древо семьи, проследив корни до начала семнадцатого века, а потом увековечил свое имя в истории медицины, открыв кожную болезнь, изуродовавшую одну из племянниц императора Франца-Иосифа.

Больше пятидесяти лет Густав Каплан колесил по империи, скрупулезно выясняя даты рождений, венчаний, бракосочетаний и кончин, случившихся в те времена, когда каждая женщина производила на свет кучу детишек, а акты гражданского состояния были весьма приблизительны, как и границы между государствами. В составленном Густавом документе были, конечно, и подчистки, и знаки вопроса, и пробелы, но ему таки удалось воссоздать историю плодовитых, как кролики, врачей Капланов.

Йозеф часто вспоминал, как его отец Эдуард, имевший кабинет в красивом доме на улице Капровой, доставал из зеленого кожаного тубуса бесценный пергамент длиной в полтора метра, раскладывал его на столе в столовой и начинал объяснять хитросплетения семейного прадерева. Некоторые линии сходились, а иногда и пересекались весьма затейливым и даже двусмысленным образом. Йозеф слушал и делал выводы, но считал за лучшее держать их при себе. Было совершенно очевидно, что в роду Каплан нередко заключались браки между кузенами, дядьями и племянницами. В те далекие времена в закрытых сообществах превалировал инстинкт выживания.

Возможно, именно браки, заключавшиеся между кровными родственниками, стали причиной неразумия этих людей и того фатального заблуждения, которое позже привело к их полному исчезновению. Евреи убеждали себя, что им выпала исключительная удача – жить под властью Габсбургов, и в конце концов поверили, что австрийцы и пруссаки – их друзья, так что, когда появились красавцы-чернорубашечники, никто не испугался.

Йозеф часто задавался вопросом, почему им с отцом было так трудно пробиваться сквозь стену глухого мучительного молчания в отношениях друг с другом. Может, они просто не умели разговаривать? Или виной всему своего рода эмоциональный ступор, когда люди уподобляются немтырям и выражают мысли и чувства не словами, а заговорщицкими

улыбками. Каждый думает – слова могут ранить и все испортить – и запирает их на самом дне души, слова копятся и с годами складываются в непробиваемую стену.

Йозеф не мог осознать значения Первой мировой войны. Пражанам она казалась чем-то далеким, этакой игрой для взрослых. Йозефу было восемь лет, когда эта «игра» закончилась, ко всеобщему удовольствию, созданием Чехословацкой республики. Образованием Йозефа занималась его мать. Тереза учила сына французскому и немецкому (на этом языке она говорила лучше) и намеревалась заняться с ним еще и русским – чтобы он мог читать Пушкина в оригинале. Тереза обожала вальс, эту музыку счастья, но ее муж Эдуард танцором был никаким, смешным выглядеть не желал и наотрез отказывался «выставляться». Тереза решила научить вальсировать сына и ужасно удивилась, обнаружив, что он знает все движения.

– Какой же ты красивый, мой маленький принц, и танцуешь, как истинный венец, – приговаривала она, кружась в вальсе.

Мать и сын почти каждый день упражнялись в гостинной, и она иногда забывала, что ее «партнеру» всего восемь лет, – так хорошо танцевал Йозеф.

Два года спустя эпидемия гриппа, прозванного «испанкой», выкосила население страны: жертв было во много раз больше, чем на войне.

Йозефу исполнилось десять лет. Его отец был в отъезде, мать недомогала, чувствовала усталость, ее мучил кашель. Она сделала сыну традиционный подарок – книгу издательства Этцеля с изумительными иллюстрациями. Йозеф надеялся получить очередной том любимого Жюль Верна, но на сей раз ему досталась «История ученого, рассказанная невеждой» Рене Валлери-Радо – биография Луи Пастера, вышедшая из-под пера его зятя. Йозеф был разочарован, но чувств своих не выдал, книгу пролистал, выразил восторг и сказал, что обязательно прочтет ее во время каникул.

Терезе становилось все хуже, появились проблемы с дыханием. Когда Йозеф видел мать последний раз, лицо ее было синюшным, да – синим, как ночное небо, она с трудом приподняла руку и не разрешила ему подойти. Через неделю Тереза умерла от пневмонии.

Свет детства померк.

Йозеф не горевал и не плакал. «Какой мужественный мальчик!» – умилялись окружающие, а он просто не осознавал, что больше никогда не увидит мать. Эдуард был в Вене, на эпидемии, ему сообщили слишком поздно, и он едва успел к похоронам. Отец Йозефа всю оставшуюся жизнь корил себя за то, что его не оказалось рядом, когда жена нуждалась в нем больше всего. У доктора Каплана не было лекарства, чтобы победить болезнь, но он все равно думал, что сумел бы спасти Терезу, поделившись с ней своей силой и воззвав к милосердию Всевышнего.

– Знаешь, сын, будь я здесь, могло бы случиться чудо. Понимаешь?

Йозеф кивнул. Больше они об этом никогда не говорили, но он спрашивал себя, почему чужие люди оказались для отца важнее жены. Отец и сын часто ходили на кладбище, стояли, взявшись за руки, у могилы Терезы; Эдуард произносил молитву и крепко прижимал мальчика к себе.

Йозеф так и не прочел замечательную книгу Валлери-Радо.

Он поставил биографию Пастера на полку книжного шкафа и забыл о ней. С годами Йозеф забыл и мать, и свою горькую детскую злобу: он так ее любил, а она его бросила.

В 1923-м, в год бар-мицвы¹ Йозефа (Эдуард не был религиозен, но настоял на соблюдении традиций – к неудовольствию сына!), они отправились на две недели в Карловы Вары. Доктор Каплан каждый год ездил на воды, чтобы подлечиться и отдохнуть от многотрудной

¹ *Бар-мицва* – в иудаизме обряд инициации, означающий, что еврейский мальчик, достигший 13 лет, становится совершеннолетним в религиозном отношении и возлагает на себя все религиозные обязанности. (Здесь и далее – прим. перев.)

пражской жизни. В гостинице он познакомился с австриячкой Катариной, вдовой с двумя детьми, крупной, но очень элегантной женщиной. Они нанимали экипаж, брали корзинку с пряниками и разноцветными леденцами и совершали долгие прогулки по окрестностям. Им было весело, они много смеялись и наслаждались сладостным чувством уединения в огромном мире.

Прошло несколько месяцев, и как-то раз, после ужина, Эдуард отложил газету и сказал: – Нам нужно поговорить, сын.

Отец сообщил Йозефу, что случайно встретился с Катариной во время очередной поездки в Вену, что она очень достойная женщина из хорошей семьи, что они питают друг к другу глубокое чувство и хотят связать свои судьбы. Катарина будет хорошей матерью Йозефу – она любит его, как своих собственных детей. В их пражском доме достаточно комнат, Катарина поселится у них, и они наймут еще одну служанку.

– Ты ведь ладишь с ее сыновьями?

– Да, они хорошие ребята.

– Прежде чем просить ее руки, я решил узнать, как ты отнесешься к нашему браку.

Йозеф смотрел на отца и молчал. Катарина была веселой и заботливой, читала на хорошем французском стихи Жерара де Нерваля², подарила ему «Сильвию»³, написав на форзаце: «В память о наших чудесных прогулках», – так с чего ему возражать?

– Честно говоря, мне бы не хотелось. Нам и так хорошо.

Эдуард выпрямился, кивнул, как будто его сын только что сформулировал математический постулат или неоспоримую истину, и ушел к себе. Йозеф был уверен, что отец пренебрежет его мнением, но Эдуард больше ни разу даже имени Катарины не упомянул. «Раз он так легко отступился, значит все было несерьезно», – решил Каплан-младший. История была похоронена и забыта, но на воды в Карловы Вары они больше не ездили и стали проводить лето в Баварии.

Иногда Йозеф перехватывал взгляд отца, устремленный в пустоту, и спрашивал себя: «Неужели он все еще думает о ней?»

В годы учебы в университете Йозеф участвовал в создании Движения пражских студентов-социалистов, был избран сначала секретарем, потом председателем секции студентов-медиков, куда в разные годы входило от семи до двенадцати человек. Преподаватели и ректор терпеть не могли Йозефа за его пламенные речи во славу бесплатной медицины. Он был ярким сторонником контрацепции (в том числе для несовершеннолетних), писал о необходимости внедрения метода Огино⁴ как лучшей системы регулирования рождаемости, за что его люто ненавидели благонамеренные обыватели. Йозефу удалось немыслимое: кардинал и главный раввин Праги заключили временное перемирие, чтобы направить декану медицинского факультета совместный протест против «безобразий» наглого студента.

Эдуард не понимал сына. Откуда в мальчике эта яростная агрессивность? Почему отец вынужден стыдиться собственной плоти и крови? Что он упустил в воспитании Йозефа, как случилось, что тот превратился в нечестивца-безбожника? Эдуарда пугали не неприятности, он боялся, что сын станет изгоем и все усилия сделать из него человека пропадут втуне. Что толку призывать Йозефа к послушанию, твердить, что человек его происхождения и круга не должен дразнить власти, если он даже отца записал в ископаемые окаменелости, которых ветер революции сметет со страниц Истории? Что можно объяснить человеку, шатающемуся по ночным улочкам в компании таких же, как он, безумцев (отбросы, чернь!), распевая во все горло: «Наконец-то подул свежий ветер социализма! Он прикончит всех буржуев...»

² *Де Нерваль, Жерар* (наст. имя Жерар Лабрюни, 1808–1855) – французский прозаик и поэт-романтик.

³ «Сильвия» – повесть Ж. де Нерваля. (Прим. ред.)

⁴ Метод контрацепции Огино-Клаусса, или календарный метод расчета так называемых безопасных дней.

Тонкими чертами лица, непокорной шевелюрой и горделивой осанкой Йозеф напоминал одного из молодых флорентийцев с полотен Гирландайо⁵, чья безмятежная улыбка с первого взгляда покоряет сердца зрителей. Он вел беспорядочную жизнь, дружил с молодыми повесами-сюрреалистами и весельчаками-коммунистами, проводил ночи в «Шапо Руж», упиваясь игрой американских диксилендов⁶. Предпочтение Йозеф отдавал «Люцерне» и «Гри-Гри»: в этих дансингах до утра без перерыва играли вальсы, яву и танго. Дамы отдавались ему в танце, как вечные возлюбленные, утверждая, что он непревзойденный танцор и заставляет их терять голову, что было лучшим комплиментом, который могли сделать ему женщины.

Йозефа до глубины души потрясал неземной, вкрадчивый голос Карлоса Гарделя⁷.

Карлито – так он его любовно называл – был главным человеком в жизни Йозефа. Он собрал полную коллекцию пластинок Гарделя, записанных в Аргентине (за них пришлось отдать немислимые деньги), однако нередко открывал для себя новые названия. Один музыкант-мексиканец перевел Йозефу тексты некоторых волшебных песен, но на чешском они звучали простовато, и он выучил их на языке оригинала. Когда в 1935-м Гардель трагически погиб в авиакатастрофе, Йозеф почувствовал себя осиротевшим. Он слушал его часами напролет и плакал, не понимая, что терзает его сильнее – бесконечно печальная музыка или несправедливость преждевременного ухода музыканта. Йозеф стал стричься «под Гарделя» – пробор с правой стороны и немного помады для волос. Он отказался от небрежного стиля в одежде и начал носить элегантные, слегка приталенные костюмы, галстук в полоску или бабочку с шелковым платочком в тон.

Йозеф пел «*Volver*»⁸, не понимая смысла слов, иногда в его голосе звучала та самая «слеза», которая делала эту песню такой трогательно-волнующей.

Однажды, слегка подвыпив, он сообщил своей новой пассии – они стояли на Карловом мосту и смотрели, как восходящее солнце золотит Дворец призраков⁹, – что собирается стать бандонеонистом¹⁰.

Три недели Йозеф со страстью неопита учился игре на аккордеоне, но инструмент оказался ему не по зубам, и он бросил занятия.

По случаю получения сыном диплома врача Эдуард подарил ему костюм из черной альпаки и пригласил в «Европу», один из лучших пражских ресторанов. Йозеф с удивлением обнаружил, что метрдотель и многие официанты хорошо знают отца. Эдуард называл их по именам, они приветствовали его как завсегдатая и точно помнили, какие блюда и вина он предпочитает.

– Охлажденный токай, мсье Каплан?

– Я бы с удовольствием выпил «Оремус»¹¹ тысяча девятьсот двадцать девятого, Даниэль.

⁵ Гирландайо, Доменико (1449–1494) – итальянский живописец эпохи Раннего Возрождения. Представитель флорентийской школы.

⁶ Диксиленд – название джазовых ансамблей, состоящих из белых исполнителей, подражающих традиционным темнокожим джазовым коллективам и играющих джаз в новоорлеанском стиле.

⁷ Гардель, Карлос (1890–1935) – аргентинский певец, композитор и актер. 11 декабря – день рождения Гарделя, отмечается как Международный день танго.

⁸ «*Volver*» – «Возвращение» (*исп.*) – аргентинское танго, лучшим исполнителем которого считается Карлос Гардель.

⁹ Дворец призраков – музей призраков и легенд находится рядом с Карловым мостом, со стороны Малостранской улицы. Он посвящен мистическим персонажам и привидениям в истории Праги.

¹⁰ Бандонеонист – музыкант, играющий на бандонеоне, разновидности гармоники. Инструмент был назван по имени его изобретателя – Генриха Банда. Поначалу использовался для исполнения духовной музыки в церквах Германии.

¹¹ «Оремус» – сейчас самый знаменитый производитель токай. Это вино подавали при дворе в Версале. Восхищенный вкусом изысканного напитка, Людовик назвал его «вином королей, королем вин».

Они сидели в молчании и ждали, когда их обслужат. Йозеф любовался богатым орнаментом сводов в стиле ар-деко. Эдуард с видом знатока пригубил золотистое вино, закрыл глаза, выдохнул и сказал:

- Божественный вкус...
- Не знал, что ты бываешь в таких местах.
- Ты многого обо мне не знаешь.

У Эдуарда были грандиозные планы. Он собирался снять еще одну квартиру на своем этаже. Старуха-домохозяйка мадам Маршова селила у себя только врачей и дантистов, она обожала Каплана-старшего – тот лечил ее застарелый ишиас – и пришла в восторг от перспективы заполучить в жильцы новоиспеченного врача, хотя не видела Йозефа целую вечность.

Эдуард считал, что однажды – о, конечно, не сразу! – он передаст сыну свою практику, и эта мысль согревала ему сердце. Йозеф без долгих проволочек положил конец этим мечтам. Он хотел продолжить учебу.

- Чем именно ты намерен заниматься, сын мой?
- Наукой, папа.

«Господь милосердный, ну почему с детьми так трудно?!» – подумал удрученный Эдуард, но улыбнулся сыну, как будто идея показалась ему замечательной.

Йозеф отказывался знакомиться с девушками из «хороших» еврейских семей – он не желал жениться и создавать семью. Манерно-робкие девицы казались ему скучными и предсказуемыми, они являли собой уменьшенную копию своих мамаш, и, когда Эдуард приглашал одну из них в дом, Йозеф забавы ради говорил за столом всякие нелепицы, чтобы шокировать претендентку.

Он провоцировал преподавателей, обещая, что после победы революции лично проследит, чтобы их расстреляли, участвовал в демонстрациях против правительства, к слову сказать, вполне умеренного, раздавал листовки у хоральной синагоги, требуя легализации аборт (раввинат даже подал на него жалобу).

В те времена люди, оскорблявшие общественную нравственность, могли нажить серьезные неприятности. Отчаявшийся Эдуард решил, что Йозеф должен покинуть страну, и послал его в Париж: пусть изучает биологию в лучшем университете мира.

Йозеф уехал, ни с кем не простившись, и очень скоро забыл свою подружку Терезу. Проведя два дня в поезде, он «высадился» на другой планете. По сравнению с бурлящим жизнью Парижем Прага показалась ему унылым, тесным, провинциальным городом, пропахшим нафталином. В Париже Йозеф жил как на вулкане. Веселые гулянки чередовались с пламенными митингами, на которых звучали клятвы изменить мир и бороться за свои идеи до победного конца. Политическая активность не мешала Йозефу работать, танцевать до зари и заводить новых друзей.

Он снял комнатку для прислуги на улице Медичи, окнами на Люксембургский сад, и одним прекрасным утром приютил в своем жилище Марселена, нищего студента-юриста, анархиста и бонвивана, мечтавшего защищать угнетенных. Он зарабатывал на жизнь, исполняя партию второго аккордеона в дансингах парижского предместья Плесси-Робинсон и кабачках Жуанвиля, утверждал, что ява – лучший танец на свете, и изумительно играл танго Гарделя. Семья Марселена жила в Кале, но он давно и окончательно порвал все отношения с «этими буржуа».

Подружки Йозефа не понимали, когда он спит.

– Нет времени! – бросал он и мчался в больницу Биша, где был экстерном в отделении инфекционной патологии.

Патрон Йозефа решил, что ему совершенно необходимо прослушать курс лекций по микробиологии в Институте Пастера, и Эдуард согласился оплатить расходы:

– Я сделаю это с превеликим удовольствием.

Дополнительная нагрузка оказалась почти непомерной, но Йозеф был готов на все, чтобы попасть в святая святых. С ноября по март он каждый день после обеда отправлялся в знаменитую лабораторию, располагавшуюся на втором этаже южного крыла института, непосредственно над отделением по борьбе с бешенством, которое обустроил лично Ру¹².

Курс, на который записался Йозеф, был создан словно бы специально для него – мало теории и очень много практических работ: подготовка питательных сред, посев, изучение культур под микроскопом, микробное окрашивание, инокуляция¹³, вскрытие инфицированных животных, выделение возбудителей. Друг Пастера и один из отцов биохимии доктор Дюкло¹⁴ утверждал, что бактериология начинается с ручного труда, более важного, чем работа мозга. Йозеф выделялся своим прагматизмом, результативностью в лабораторных работах и получал самые высокие оценки.

Пять месяцев он был занят сутки напролет, не успевал ни обедать, ни ужинать, съедал пирожок в автобусе и спал до конечной остановки. Он был счастлив и совершенно уверен, что нашел дело своей жизни.

В апреле лекции закончились, и Йозеф нашел себе место лаборанта у Легру, занимавшегося исследованием смертоносной бациллы лошадиного сапа.

Как-то раз, вернувшись домой под утро, Йозеф застал одну из своих подружек в объятиях Марселена, удивился, но сцену устраивать не стал, а расхохотался, чем ужасно удивил и друга, и изменщицу.

Йозеф презирал ревность, как и любую другую форму собственничества.

Он всегда настаивал на своей правоте, был виртуозным полемистом, говорил с раскатистым акцентом уроженца Богемии и то и дело с кем-нибудь скандалил, а то и дрался.

– Сейчас чужак тебе покажет! – выкрикивал он и кидался на собеседника, стараясь попасть кулаком по носу.

Йозеф часто попадал в полицию за потасовки и пьянство, но у инспекторов было много более серьезных забот, чем ссоры между студентами.

За несколько месяцев Йозеф убедился, что мечты могут стать реальностью. Правительство Народного фронта¹⁵ пришло к власти. Но буржуазия не хотела расставаться со своими богатствами и не собиралась сдаваться без борьбы.

Для обеих сторон это был вопрос принципа, а не только денег. Кто возьмет верх, кто навяжет свои правила и законы другому? Улица бурлила, люди выходили на митинги, занимали заводы. Страна замерла. В начале июня началась всеобщая забастовка.

Франция оказалась на пороге гражданской войны.

В конце концов хозяева предприятий сдались – повысили зарплаты, согласились на сорокачасовую рабочую неделю, два выходных, ежемесячные выплаты, заключение коллективных договоров, оплачиваемые отпуска, и победителей охватила огромная, почти неприличная, мстительная радость: богачи сдались, подавились собственной спесью. Многим это показалось невероятным, немыслимым. Оказывается, можно не ждать лучшей жизни в

¹² Ру, Пьер Поль Эмиль (1853–1933) – выдающийся французский бактериолог, начинал ассистентом Луи Пастера. Работал над созданием вакцин против бешенства, дифтерии и столбняка.

¹³ Инокуляция – прививка какого-либо ослабленного болезнетворного яда с целью предохранения от заболевания той или иной болезнью.

¹⁴ Дюкло, Пьер Эмиль (1840–1904) – французский физик, химик и биолог. В 1862 г. был принят Пастером в его лабораторию препаратором.

¹⁵ Правительство, пришедшее к власти в 1936 г., было основано на широкой коалиции левых политических сил. Про существовало до 1938 г., приняв ряд значимых законов.

загробном мире – она достижима на земле, принцип «кто был ничем, тот станет всем» действует.

Проучившись в Париже год, Йозеф должен был вернуться в Прагу и отпраздновать свой успех с отцом, поговорить о будущем, провести время вместе, но сыновняя почтительность отступила на задний план перед чувством иного рода. Дело было не в политических обязательствах и даже не в любовной страсти, оправдывающей любую низость: Йозеф пренебрег отцом по другой причине.

Ему просто не захотелось ехать.

Двадцатилетний мужчина поступил как эгоистичный подросток. Он пришел к выводу, что любовь – не абсолют, что она поддается количественному определению по шкале от одного до десяти. Вопрос лишь в том, какой сокровенный уголок человеческого сердца включается в работу, если запас любви недостаточен?

Йозеф сообщил отцу, что намерен отправиться в Шотландию с друзьями-однокашниками, и Эдуард не выказал недовольства или обиды.

– В добрый путь, желаю тебе хорошо провести время, – сказал он и перевел сыну телеграфом внушительную сумму.

Марселен познакомил Йозефа с Эрнестом, и они сразу стали закадычными друзьями. Все годы, вплоть до 1934-го, Эрнест был шофером Гарделя, когда тот приезжал в Париж. Стоило угостить его парой стаканчиков, и он начинал рассказывать, каким бесконечно мягким и нежным человеком был Карлос, как он очаровывал всех на съемочной площадке в Жуанвиле (режиссер иногда даже забывал крикнуть: «Снято!»). Съемки длились бесконечно: постановщик не стеснялся хитрить, чтобы еще раз послушать только что отзвучавшую песню, например, говорил: «Снимем еще один дубль – мне не понравилось, как был выставлен свет». Карлос все понимал, но с радостью повторял номер. Именно в Жуанвиле родилась легенда о том, что каждую новую песню Гардель поет лучше предыдущей.

После гибели Карлоса в той проклятой авиакатастрофе Эрнест запил и не переставал оплакивать своего кумира. Он был доверенным лицом великого певца и клялся всем святым, что Гардель – настоящий француз, родился в Тулузе, а в Аргентину его увезли в два года. Однажды вечером Карлос якобы признался ему, что называет себя аргентинцем только из-за матери: она ужасно боялась, что его заберут на войну, а он не хотел причинять ей боль.

– Это истинная правда, Йозеф. Угости меня еще одним стаканчиком, и я расскажу, как Карлос придумал танго.

Йозеф свято следовал принципу, гласящему, что днем следует работать, а ночью развлекаться, его не пугали ни дождь, ни холод, прогонявший с улиц обывателей и демонстрантов, ни даже пустые карманы в конце месяца. Он мог пересчитать на пальцах одной руки те разы, когда ложился раньше трех-четырех утра (в основном это случалось накануне экзамена), а потом без малейшего труда вставал в семь часов и отправлялся в университет. Его считали своим «Падающие звезды», эта банда прожигателей жизни состояла из студентов фармацевтического и медицинского факультетов, «мальчиков» из хороших семей (изгнанных за разврат и пьянство), слегка помятых, но уцелевших бывших игроков, денди, художников, ищущих свой путь в искусстве, и вечных студентов, успевших забыть, на какой факультет они когда-то записались. Все они считали, что мир однажды разлетится ко всем чертям и нужно успеть взять от жизни все.

Они давали зарок: «Останемся свободными или умрем, не попадемся на крючок ни коварной содержанки, ни юной оболстительницы!» Божественные создания сладко улыбаются, но хотят одного – найти мужа и привязать его к себе на всю жизнь.

Они не повторяют ошибок своих отцов.

Каждый раз, когда один из них «попадался» (на всякого мудреца, как известно, довольно простоты, все рано или поздно сдаются на милость победителя!), они отказывались идти на свадьбу и повторяли «обет безбрачия».

Йозеф был до невозможности элегантен, говорил с чарующим акцентом, заразительно смеялся, набриоленные волосы разделял идеальный пробор, и он легко покорял сердца дам и девиц, которые ужасно скучали, сидя на банкетках, пока их спутники предавались бесконечным спорам о Народном фронте, трагедии войны в Испании и усилении позиций фашистов. Женская половина общества не то чтобы совсем не интересовалась политикой, но, право, нельзя же без конца мусолить эти темы! А вот Йозеф танцевал. Танцевал так, словно сам изобрел вальс. Отбросив условности и наплевав на то, «кто что подумает», женщины его «ангажировали».

В первый раз Йозеф удивился. Дама не должна приглашать на танец незнакомого кавалера (так поступают только испорченные женщины!).

Ему льстило, когда красавица направлялась через зал к его столику, иногда проходила мимо, не решившись на отчаянный поступок, но потом возвращалась и просила потанцевать с ней. Разговоры стихали, он вставал и молча вел ее на дорожку, чтобы закружить в вальсе или танго. Профессионалки, сутенеры и жиголо расступались, давая им место. Оркестр бисировал, чтобы насладиться воплощенной в танце музыкой. В объятиях Йозефа самая грузная и неповоротливая партнерша становилась воздушной, девушки из лучших семей жаждали повальсировать с «этим чехом», укрепляя его репутацию донжуана.

Между тем Йозеф вовсе не был завзятым соблазнителем. Возможно, реши он познакомиться с девушкой на улице, у него ничего бы не вышло, но в дансинге вся его природная застенчивость куда-то улетучивалась. После танцев он приглашал одну из партнерш в свою комнатуху и практически не знал отказа. С Марселем у них была джентльменская договоренность: пришедший первым получал в свое распоряжение час времени, после чего уступал место товарищу (тому полагалось принести с собой свежее испеченный багет!).

«Любовь втроем» они не практиковали.

Как только умолкал аккордеон, к Йозефу возвращалась привычная мужская увертливость. Ни одной девушке не удавалось завязать с ним сколько-нибудь длительных отношений. На робкое предложение увидеться снова, покататься на лодке в Булонском лесу или сходить в кино он отвечал, что его ждут в больнице, нужно заниматься диссертацией, ходить в Институт Пастера, пересевать культуры, так что – увы, увы, увы... Следующей ночью Йозеф отправлялся танцевать в другое место.

В моде были эмансипация, борьба за избирательные права женщин и изгнание из дансингов явы. Йозеф осознал, что дело не только в политических требованиях: болезнь зашла очень глубоко, стала неизлечимой, как привычный вывих.

Подружки уже не так охотно уступали его желаниям.

Алиса швырнула в него ботинком, и только хорошая реакция спасла его глаз. Раз в три вечера (в среднем) он подвергался оскорблениям. Одетта обозвала его мерзавцем, Жермена – жестокосердным негодяем, Сюзанна – жалким типом, Николь – лицемером, Люси – двоедушным подлецом. Клозетта сказала, что он самый отвратительный из всех отвратительных мужиков, которых она встречала в жизни, а Жанна нанесла худшее из оскорблений, заявив, что он вонючий тухлый танцоришка. Роза сравнивала Йозефа со стервятником, другие девушки – с крысой, клопом и тараканом, а Жаклин, студентка философского факультета Сорбонны, – она была очень хорошенькая и стриглась под Луизу Брукс¹⁶ – уподобила

¹⁶ Брукс, Луиза (1906–1985) – американская танцовщица, модель, актриса немого кино.

его Сарданапалу¹⁷ в миниатюре. Все они жаждали заклеить Йозефа презрением, но ни у одной ничего не вышло.

Воистину, впору перестать танцевать!

– Да что с ними со всеми такое, можешь объяснить? – спросил он у Марселена, после того как Ивонна, задыхаясь от ненависти, выкрикнула ему в лицо, что еще «никогда-никогда-никогда не встречала подобных гадов и тупиц».

Некоторые вопили, кричали, рыдали, били его по щекам, ждали под дверью, устраивали скандал, призывая в свидетели консьержку, но Йозеф и бровью не вел, и они, пожав плечами, исчезали из его жизни. Иногда он встречал экс-возлюбленных на вечеринке или в ночном клубе и не мог вспомнить, знакомы они или нет, приглашал девушку на танец, потом вел к себе, они предавались любви, она спрашивала: «Неужели ты меня не узнал?» – он отвечал: «Нет», и его в очередной раз обзывали хамом, нахалом, грубияном, свиньей и ничтожеством.

Все объяснялось очень просто: Йозеф не запоминал лиц. Это было его ахиллесовой пятой.

Он без труда выучивал содержание толстенных неудобоваримых медицинских трактатов, но очень быстро, через несколько недель, забывал лица подруг по плотским утехам.

Как-то раз Маргарита – она была андалузкой, бежавшей в Париж от франкистов, – бросила ему в лицо:

– Проклятый мачо!

Она божественно танцевала танго и, заметив Йозефа в зале «Мулен де ла Галетт», взглядом приглашала его на танец (он единственный из парижан танцевал, как аргентинец), но разговаривать с ним не желала.

Йозеф не знал, как переводится слово «мачо», – он услышал его в первый раз в жизни. Но не в последний. Маргарита снизошла до объяснений и добавила, что так называют не только испанцев, но и французов, и чехов, и много кого еще. В те времена мужчины были мачо, и это не создавало им проблем. Йозеф пришел к выводу, что в словах его женщин есть доля истины, и решил искоренить в себе этот изъян. Он стал умолять Маргариту о помощи, но она только рассмеялась (идеальный мужчина – не более чем глупая фантазия). Йозеф так страстно хотел измениться, стать лучше, что пытался контролировать все свои жесты, слова, взгляды и действия.

Старания Йозефа не только не увенчались успехом, но и укрепили его репутацию законченного мерзавца, порочного, склонного к моральному садизму наглеца и... потрясающего танцора. Ты видела его левую ногу? Просто невероятно! Йозеф приглашал девушку выпить кофе с молоком – и не знал, о чем с ней говорить. Назначал свидание за ужином – и забывал прийти. Он мог спросить у Глэдис: «Как поживаешь, Симона?» – войти в кафе с букетом анемонов, где его ждала Ирен или Жюли, сесть за другой столик и время от времени нетерпеливо поглядывать на часы.

В результате Йозеф окончательно утвердился в мысли, что женщины хороши как партнерши в танце и сексе, в остальном же им почти невозможно угодить, они капризны и неискренни.

На балу в «Ла Куполь»¹⁸ некоторые приятели Йозефа высказали предположение, что его проблема имеет психологическую подоплеку, следовательно, ее трудно разрешить. Двое

¹⁷ Сарданапал – персонаж древнегреческой мифологии. Олицетворение праздности, роскоши и изнеженности.

¹⁸ «Ла Куполь» – один из самых легендарных ресторанов Парижа с 90-летней историей. Сейчас под его стеклянным куполом (отсюда и название ресторана) одновременно могут уместиться более 400 едоков.

полагали, что Йозеф страдает прозопагнозией¹⁹, с чем он категорически не согласился. Двое других склонялись к нарциссизму и спорили лишь о том, как далеко зашла «болезнь». Один человек высказался в пользу начальной формы женоненавистничества, и остальные сочли этот диагноз слишком банальным, но простительным для студента первого курса. «Синдром вальсирующего» стал предметом нескончаемых споров. Ни в одном фундаментальном труде по психологии не упоминалось о том, что Эдип танцевал вальс или танго.

Помог Йозефу мэтр Мейер, симпатичный хитрован-адвокат, у которого стажировался Марселен. Он открыл ему способ, которым сам пользовался во Дворце правосудия, где каждый день встречал массу людей и не всегда мог определить, судья перед ним, секретарь, судебный исполнитель или коллега-защитник.

Денег юрист с Йозефа не взял: он обменял свою консультацию на урок танго. Йозеф показал ему, как нужно двигаться, чтобы не наступать на ноги партнерше (Мейер считал свою неуклюжесть причиной любовных неудач). Теперь, если лицо женщины вызывало у него в памяти легкое «шевеление», он кидался к счастливой избраннице и радостно, с открытой, почти дружеской, улыбкой восклицал: «Боже, сколько же мы не виделись! Как поживаете?»

«Улыбайтесь широко, пусть собеседник видит ваши зубы, – наставлял Йозефа мэтр Мейер. – Ваши слова должны звучать искренне и естественно».

Он немедленно проиллюстрировал свой «рецепт», и у Йозефа создалось ощущение, что они с адвокатом лучшие друзья. Иногда эта мефистофельская хитрость срабатывала, но бывали случаи, когда его сухо обрывали:

«Мы не знакомы! За кого вы меня принимаете?»

Или так: «В последний раз мы были на „ты“, поросенок».

Все лучше, чем прилюдные оскорбления и скандал... Йозеф находил утешение в словах девушек своих приятелей, уверявших, что по сравнению с ними он просто ангел: ну, помнят ухажеры их лица и имена, и что с того?!

Когда Вивиан вошла в прокуренный зал «Балажо»²⁰, Йозеф кружил Ольгу в английском вальсе. Он не очень любил этот танец, считая его движения слишком размеренными и чопорными. Йозеф не сразу заметил, что все мужчины разинули рот и смотрят на нее голодными глазами. У Вивиан были стройные ножки, тонкая талия и кудрявые волосы. Серая саржевая юбка плотно обтягивала бедра, а круглый воротничок блузки подчеркивал красоту шеи.

Сидевший на эстраде Марселен тоже заметил Вивиан и оценил ее красоту: «О-ля-ля-ля-ля-ля...»

Девушка стояла на балюстраде и с явным восхищением следила за движениями пары. Йозеф поблагодарил Ольгу и вернулся за свой стол. Аккордеонист заиграл вальсок, и танцоры закружились по площадке. Вивиан молча, одним едва заметным движением подбородка, отклонила три приглашения, привстала на цыпочки, нашла глазами Йозефа и медленно направилась к нему. Он смотрел на фигурку в мерцающем наряде и думал: «Боже, какие же красивые у нее волосы...»

Вивиан была совершенно особенной. Он и подумать не мог, что такая потрясающая красавица вдруг обратит на него внимание. Даже самый спесивый из всех живущих на свете мужчин не мог бы на такое рассчитывать.

И все-таки это случилось!

¹⁹ Прозопагнозия – расстройство восприятия лиц, но не предметов.

²⁰ Сейчас шикарный ночной клуб «Балажо» в прежние времена был простой танцплощадкой, где часто бывали Эдит Пиаф и Жан Габен. (Прим. ред.)

Она стояла, не говоря ни слова, потом протянула ему пухленькую теплую ручку с позолоченным браслетом-змейкой в позднеготическом стиле на предплечье. Йозеф затрепетал и повел Вивиан на площадку. Остальные танцоры расступились, и Йозеф не сумел – хотел, но не сумел! – скрыть, что это тешит его тщеславие. Вивиан танцевала не слишком хорошо и то и дело наступала ему на ноги острыми каблучками, но Йозеф этого не замечал. Женщины обменивались многозначительными понимающими улыбочками.

Йозеф и Вивиан останавливались, только когда оркестр делал паузу, через каждые сорок пять минут. Он пригласил ее в бар выпить шампанского, говорили они мало – обменялись несколькими ничего не значащими фразами: «Вечер сегодня ужасно жаркий...», «Сколько же здесь народу...», «Вы часто сюда приходите?». Вокруг было так шумно, что приходилось кричать. Вивиан промокнула лоб платком, и Йозеф вдруг подумал: «Ее я вряд ли забуду».

Оркестр заиграл «Белые розы». «Моя любимая песня», – сказала она. Йозеф посторожился, пропуская ее на дорожку, и почувствовал нежный запах духов – мимоза, жасмин? – аромат напоенного солнцем Средиземноморья. Вивиан тихонько напевала себе под нос. У нее была совершенно особенная манера обнимать партнера. Другие дамы касались руки и плеча кавалера, а Вивиан так тесно прижималась к Йозефу, что он чувствовал через шелк одежды ее соски и упругие ноги. В танце Вивиан неподражаемо покачивала бедрами, ее волосы щекотали Йозефу лицо, томный взгляд обволакивал и возбуждал. «Как вас зовут?» – спросил он. «Вивиан». – «Чудесное имя...»

Они ушли, не дожидаясь закрытия.

– Слушай, старик, переночуй сегодня у кого-нибудь из приятелей, идет? – шепнул Йозеф Марселену.

– Как скажешь... – кислым тоном ответил тот.

Глядя вслед парочке, закоренелый атеист Марселен не удержался и воззвал к милосердию Творца:

– Боже, защити нас от курносых женщин с упругой попкой, которые ходят на высоких каблуках и красятся, как звезды экрана.

Вивиан относилась к тому типу женщин, которых невозможно забыть. У нее была восхитительно-скандальная репутация «пожирательницы мужчин», которую создали завистливые сплетницы. Эти посетительницы танцполов, большую часть времени просиживавшие на банкетках, утверждали, что бессердечная распутница Вивиан погубила множество любовников, которые валялись у нее в ногах, умоляя остаться. Ходили сплетни о попытке самоубийства торговца обувью из Невера и сошедшем с ума нотариусе из Руана. Слух появился после того, как Вивиан сказала Мади, что раньше была слишком чувствительной и кое-кто злоупотреблял этой ее слабостью. Однажды вечером она разоткровенничалась и посоветовала подружке обходить стороной морских лейтенантов и не верить ни одному их лживому слову, а потом заявила, что все мужчины – олухи и слабаки, даже богачи, бросающиеся деньгами направо и налево, и ей ни одного из них не жаль.

Наутро после ночи любви Йозеф впервые в жизни спросил девушку, увидятся ли они снова. К его огромному удивлению, она тут же, с непосредственностью хористки, согласилась, а потом испарилась, пожелав ему хорошего дня.

Вечером они встретились в кафе на площади Клиши. Вивиан оказалась сладкоежкой – она обожала венский шоколад. Йозеф упивался общением со своей новой пассией, хотя ничего особенно интересного она не произносила, да и голос у нее был высокий и не слишком приятный для слуха. Йозеф перехватывал взгляды, которыми другие мужчины награждали Вивиан, и его сердце переполнялось счастьем (глупое, но ужасно приятное тщеславие!).

Вивиан занимала небольшую должность в Министерстве военно-морского флота: она курировала бухгалтерию арсенальных складов на заморских территориях, в том числе в Кохинхине²¹. Йозеф удивился, узнав, какая это важная стратегическая точка. Вивиан никогда не посещала колоний, но была хорошо осведомлена о сложившейся там ситуации и рассказывала Йозефу много интересного. Она с военной точностью описывала авианосец «Беарн», эсминцы «Фугё», «Фрондёр» и линкор «Жан Барт», а если в разговоре наступала неловкая пауза, Йозеф интересовался, как обстоят дела с флагманским линкором «Лотарингия», и почему его 340-миллиметровые пушки берут на десять градусов правее и левее цели, и пришел ли он в порт приписки, несмотря на многочисленные аварии. Вивиан под большим секретом («Дай честное слово, что будешь нем как рыба!») рассказала, что в Сайгоне у команды были проблемы с ремонтом (обе динамо-машины грелись до 62 градусов) и это вызывает серьезное беспокойство в «верхах».

В том, что Йозеф с упоением внимал ее словам, не было ничего удивительного: чехам свойственна мечтательность, у них нет моря, и они обожают истории о кораблях и всяческих мистических явлениях.

На второй год жизни в Париже Йозефу пришлось решать моральную проблему исключительной важности. В охваченной пожаром гражданской войны Испании лилась кровь. Генерал Франко твердо вознамерился вернуть утраченные позиции и на всех фронтах теснил войска республиканского правительства, погрязшего во внутренних распрях. Нацистская Германия и фашистская Италия поддерживали франкистов, а демократические державы препирались друг с другом и уклонялись от реальной помощи. Возглавляемое Леоном Блюмом²² правительство Народного фронта, у которого было много проблем в собственной стране, пошло на поводу у пацифистов и заняло позицию «невмешательства во внутренние дела другого государства», развязав фашистам руки.

Пятьдесят тысяч добровольцев из разных уголков мира стали членами интербригад²³, воевавших за Республику. Большинство никогда не держали в руках оружия, и тем удивительнее был их смелый порыв отправиться в незнакомую страну и бросить вызов смерти. Все пребывали в возбуждении и только что не соревновались за право уехать раньше остальных. У каждого имелся собственный канал и проводники. Друзья Йозефа не сомневались, что он будет в числе первых волонтеров, а он думал, вступить ему в одну из французских бригад или присоединиться к батальону Домбровского²⁴, где сражались поляки, чехи и венгры.

Вивиан определенно оказывала дурное влияние на Йозефа. Когда он сказал, что поедет в Испанию и будет сражаться, она спросила, что заставило его принять такое решение. Йозеф объяснил, что гражданская война в Испании не обычная братоубийственная война, а смертельное противоборство двух мировоззрений. От исхода зависят фундаментальные свободы.

– Какое тебе дело до страны, где ты ни разу не был? – не успокаивалась Вивиан.

Йозеф попытался объяснить по-другому:

– Фашисты сражаются с демократами. Если они возьмут верх, все будет кончено. Церковь и капитализм победят.

Вивиан ничего не понимала в политике.

– Думаешь, испанцы придут сражаться за чехов, если русские нападут на вас?

²¹ Ранее французская колония в составе Вьетнама.

²² Блюм, Андре Леон (1872–1950) – французский политик, первый социалист и первый еврей во главе французского правительства.

²³ Интербригады – вооруженные подразделения, сформированные из иностранных добровольцев, участвовавшие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев в 1936–1938 гг.

²⁴ Батальон Домбровского – XIII интернациональная бригада имени Я. Домбровского – воинская часть, составленная в основном из поляков, участвовавшая в гражданской войне в Испании на стороне республиканских войск.

Йозеф решил дождаться конца учебного года, объяснив друзьям, что его временное отсутствие не решит исхода войны, зато он получит диплом биолога и будет гораздо полезней общему делу. Йозеф говорил уверенным тоном, давая понять, что никому не позволит усомниться в себе. Все его время занимали исследования, лекции в Институте Пастера и Вивиан. Он перестал ходить на собрания и демонстрации и весьма скептически высказывался о безрассудном энтузиазме товарищей, выдававших желаемое за действительное.

По-настоящему Йозефа интересовали только патогенные факторы²⁵, грядущее выделение вируса оспы, использование пенициллина для лечения бактериальных инфекций и работа по поиску противотуберкулезного антибиотика.

Ну и диссертация – в свое время. Фундаментальный труд о сипункулидах²⁶.

Кое-кто поглядывал на Йозефа с недоверием, другие перестали с ним разговаривать, узнав, что он ночи напролет танцует с Вивиан на балах на площади Бастилии. Витиеватые объяснения Йозефа – мол, можно быть социалистом и обожать вальс (одно совсем не противоречит другому) – никого не убеждали.

Товарищи отправились в Испанию без него. Эрнест тоже поехал, но это само собой разумелось – у него ведь была депрессия.

Йозеф отказывался признавать, что он, как и все остальное население, заразился фатализмом и покорностью судьбе. Каждый день приходили дурные вести, подтверждавшие, что Республика обречена. Потерял Йозеф и дружбу Марселена: когда он заявил, что его призвание – лечить, а не убивать, тот ответил взглядом, исполненным немислимого презрения, и ушел – не сказав ни слова, не пожав ему на прощание руки. Позже Йозеф узнал, что Марселен вступил в батальон анархистов, сражавшихся в Барселоне. Там было очень жарко.

А потом, однажды вечером, Йозеф забыл Вивиан. Невероятно, но факт...

Любовь как будто стерли ластиком.

Может, привязанность растворяется в воздухе, не оставляя после себя ни малейшего следа? Если так, она – плод нашего воображения.

Их ужины, вечера в Ножане, ночи любви... все исчезло, испарилось. Он вспомнил о Вивиан, танцуя томное танго в «Элизе-Монмартр» с бретонкой из Лорьяна, которая ужасно нервничала и все время хихикала, но извиняться не пошел, сказав себе: будет правильной подождать – пусть остынет. Он придумывал всяческие отговорки и объяснения, потом решил сослаться на сложную операцию в клинике. Прошел день, другой, суббота и воскресенье, но Вивиан не появилась. Не пришла она и в понедельник. Никто ничего о ней не знал. Йозеф чувствовал досаду, гадал, не попала ли она в аварию на машине, не случилось ли несчастье у нее в семье? А может, она просто потеряла память? Он больше никогда не встречал Вивиан ни в одном из тех мест, где они когда-то бывали.

Станный способ расставания. Станный, но, возможно, лучший? Расставание по взаимному согласию, в котором нет ни победителя, ни побежденного.

Получается, нас не было?

Вскоре после защиты диссертации Йозеф получил предложение занять должность в алжирском филиале Института Пастера.

Таких престижных предложений два раза не делают.

Йозеф не помнил, кто из философов сказал, что удача не стучится в дверь человека дважды. Не ухватишь ее за хвост, это сделает кто-нибудь другой. Немногие оставшиеся у него друзья заметили, что он в конечном итоге ничем от них не отличается, раз пожертвовал убеждениями ради карьеры. Он отвечал, что Испанской республике уже не поможешь, победа Франко неизбежна, так что нет никакого резона ввязываться в схватку чести – о да,

²⁵ Патогенный фактор – болезнетворный возбудитель.

²⁶ Сипункулиды – тип морских червеобразных организмов.

полную величия и героизма, но совершенно бессмысленную и самоубийственную. Он продолжит борьбу на свой манер, в Алжире.

Это было бурное время. Проглотив Австрию, Гитлер решил присоединить к Германии Судетскую область, которая по Версальскому договору принадлежала Чехословакии. Франция и Великобритания были связаны с Чехословакией союзническим договором, и угроза новой мировой войны стала реальностью. Все страны начали мобилизацию. В Мюнхене, на конференции последнего шанса²⁷, премьер-министр Соединенного Королевства и председатель правительства Франции спасли мир, отдав Чехословакию на растерзание фюреру. Войны удалось избежать, все испытали облегчение и сделали вид, что забыли о нарушенных обязательствах и не заметили, что совершили стратегический просчет. Благодарные народы приветствовали своих руководителей, а те чувствовали стыд за сговор.

Йозеф позвонил отцу, спросил, как он поживает, и поинтересовался его мнением касательно полученного предложения. Жалованье ему пообещали небольшое, события на родине приобрели угрожающий оборот, так что он бы предпочел вернуться в Прагу. Эдуард принялся разубеждать сына: его присутствие в Чехословакии хода истории не изменит, а упустить представившийся исключительный шанс нельзя ни в коем случае. Лучшая лаборатория мира выбрала Йозефа среди множества других претендентов, и отцовское сердце полнится счастьем: честь, оказанная Каплану-младшему, оправдывает все жертвы, принесенные Капланом-старшим. Эдуард заставил Йозефа поклясться, что он уедет в Алжир.

Четыре дня спустя он должен был сесть на корабль в Марселе, чтобы через двадцать шесть часов оказаться в Африке.

В ночь перед отправлением Йозефу приснился кошмар, он проснулся в холодном поту, дрожа всем телом. Во сне он брел по бойне, вокруг лежали горы трупов – мужчины с перерезанным горлом, женщины со вспоротыми животами. По пятам за ним следовал мясник с выколотыми глазами, в затылок ему дышали мертвецы. Потом на него прыгнул монстр – и тут же исчез, как по волшебству. Наступила леденящая душу тишина. С потолка лилась кровь, Йозеф был весь липкий и постепенно погружался в красный зыбучий песок, размахиwał руками, пытаясь удержаться на поверхности.

Утром Йозеф кинулся в почтовое отделение на авеню Сент-Антуан и три часа прождал вызова, рискуя опоздать на пароход. Наконец его соединили, отец как раз собирался уходить из кабинета. Йозеф стал уговаривать его бежать, пока еще есть время, но Эдуард ничего не хотел слышать. Йозеф раз десять повторил, что умоляет отца покинуть Чехословакию, но тот твердо решил остаться. Да, десятки тысяч чехов собирают чемоданы, но он не уедет, потому что не чувствует никакой угрозы. Большинство здравомыслящих пражан считают, что Гитлер не идиот и не нападет на союзников, что рано или поздно он в поисках жизненного пространства вторгнется в Россию, она – его главный враг. Чехам бояться нечего: единственное, что нужно фюреру, – это их военные заводы.

По пути в Алжир была сильная качка, шумели двигатели, и Йозеф провел ночь на палубе, наблюдая за тремя чайками, летавшими над форштевнем. Еще до захода солнца в воздухе разлился молочно-голубоватый свет. Чайки скрылись из виду. Йозеф проводил их взглядом и вдруг заметил вдалеке слева по борту неясные очертания суши.

«Нет, это не Испания! – подумал он. – Здесь нет никакой земли».

²⁷ Конференция проходила в конце сентября 1938 г. В Мюнхене встретились политики западных держав – Англии и Франции, с одной стороны, и Германии и Италии – с другой. Соглашение, подписанное 30 сентября, касалось передачи Германии Судетской области Чехословакии.

Далеко на горизонте, между небом и морем, змеилась багровая линия, едва освещенная пробивающимся сквозь облака светом.

«Если бы я поддался движению души, был бы сейчас мертв».

Кристина

Йозеф спал, когда пароход «Лепин» заходил в порт, и пропустил первую встречу с бухтой и прилепившимся к холмам городом. Он не смог полюбоваться грациозными очертаниями знаменитого амфитеатра и не слышал, как переговариваются другие пассажиры, радуясь встрече с родными местами.

Первым незабываемым впечатлением Йозефа остался момент, когда он открыл дверь и его ослепил свет цвета расплавленного золота. Он инстинктивно прикрыл лицо ладонями, как человек, защищающийся от вспышки фотоаппарата невидимого папарацци. Йозеф ощутил аромат ванили и дыхание жары на коже. У него мелькнула мысль о пожаре на судне, но вокруг все было спокойно, никто не кричал, только гудел кран, выгружавший на причал сетки с бананами. Он медленно развел пальцы, привыкая к жаркому свечению алжирского воздуха, поднял глаза и узрел – иначе не скажешь! – первозданную, райскую синь небес. Он никогда не видел ничего подобного ни в Праге, ни в Париже: ясное блистательно-прекрасное небо было подобно гигантской монохромной стеле, которую неведомый гениальный автор подвесил над землей, чтобы завораживать людей.

В конце этого октябрьского дня 1938 года, в возрасте двадцати восьми лет, Йозефу открылись небо и солнце, поднимающаяся волной аркада доков, которую безумный архитектор увенчал множеством соединенных друг с другом кубиков, спускающихся уступами к ослепительно-белым домам у моря, и он понял смысл прозвища Белый Алжир.

Йозеф спускался по трапу с двумя чемоданами, ища глазами встречающего, но на пирсе не было никого, кроме докеров-арабов, красавцев с точеными чертами лица и мокрыми от пота телами, разгружающих трюм. Никто из моряков ничем не помог Йозефу, он прождал целый час, прячась от солнца в тени грузовика, обратился к вахтенному офицеру (тот тоже ничего не знал) и в конце концов решил взять такси. Струя дыма из выхлопной трубы красно-черного «панара»²⁸ сделала бы честь любой паровой трубе, шофер, не закрывая рта, жаловался на опостылевшую жару.

Йозеф смотрел в окно и не замечал никакой разницы с городами метрополии: те же «османовские» проспекты, те же трамваи, люди на террасах кафе, одетые по парижской моде женщины. Он думал, что в Африке его ждут пески и барханы Сахары, верблюды, туареги, приключения и тайны, а попал в обычный западный город.

Он был разочарован.

Они въехали на огромную площадь, окаймленную несколькими рядами фонарей в стиле ар-деко и обсаженную пальмами, в центре которой возвышалось гигантское белоснежное здание в мавританском стиле. Йозеф принял его за мечеть, и развеселившийся таксист объяснил, что это Главпочтамт (мечети, хвала Аллаху, находятся в Старом городе). Йозефу наконец-то повезло – он заметил двух «аборигенов»: женщину в накидке и вуали из тончайшего белого газа, над которой сверкали черные глаза, и мужчину в полосатой джеллабе, с плешивым осликом, груженным корзинами с овощами. Машина ехала по широким, перетекающим один в другой проспектам, и водитель, взявший на себя роль гида, рекомендовал Йозефу посетить Музей изящных искусств и Ботанический сад, известный своими экзотическими растениями и источающими аромат ментола эвкалиптами. Коса и город постепенно скрывались в жарком мареве. Такси остановилось перед белым зданием в четыре этажа. Охранника у входа не оказалось, и Йозеф беспрепятственно попал в парк, где обнаружилось

²⁸ Автомобиль компании «Панар-Левассёр», которая стала одной из первых в мире выпускать автомобили на продажу. В 1965 г. «Панар-Левассёр» вошел в «Ситроен».

несколько других строений. Он вошел в главное здание. Внутри царили тишина, живительная прохлада и полумрак – совсем как в соборе. Его призывы – «Есть тут кто-нибудь?» – остались без ответа. Он шел по длинному коридору, стучал в каждую дверь, заглядывал, но все комнаты были пусты. «Это просто немыслимо, – думал Йозеф, – сейчас только пять, рабочий день не окончен...» Он толкнул застекленную дверь в глубине коридора и увидел большую лабораторию с пробирками, чашками Петри²⁹, пепельницами, мензурками на водяной бане, колбами, керамическими ступками и ампулами с декантатором³⁰. Четверо мужчин в белых халатах стояли, склонившись над микроскопами. Один из них подогрел серебряный резервуар на горелке Бунзена, завинтил муфту, осторожно перелил содержимое в сосуд с желтым раствором, взял шпатель, потом вытянул руку и слегка взболтал колбу. Жидкость приобрела темно-зеленый цвет.

– Катастрофа! – воскликнул круглолицый мужчина с ежиком седых волос.

– Но мы взяли тот же образец, – заметил другой.

– Значит, это очередной вид, – ответил стоявший по другую сторону стола сотрудник.

– Тем хуже, начнем все сначала с другими пробами.

Плечи поникли, раздались разочарованные перешептывания: «Не везет так не везет...», «Сил моих нет...», «У нас никогда ничего не выйдет...».

В этот момент седовласый заметил стоящего в дверях Йозефа.

– Меня зовут Йозеф Каплан, я только что приехал.

– Каплан?... Быть того не может! Они что, издеваются? Я ведь объяснил, что вы меня не интересуете. Мы здесь все биологи, а мне необходим энтомолог!

Карьера Йозефа в Институте Пастера началась не самым удачным образом. Его патрон Эдмон Сержан не поинтересовался, как прошло путешествие, не спросил, легко ли он нашел новое место работы. Внешне Сержан выглядел вполне любезным и благодушным, но Йозеф сразу понял: это такой же «маленький капрал», каких он в избытке повидал в больнице.

Он молча последовал за Сержаном в его кабинет на втором этаже. Здесь царил идеальный порядок. Профессор позвонил в Париж и целый час пытался выяснить, кто прислал к нему Каплана. Он повторял, что проблема не в Каплане, что он наверняка замечательный микробиолог, раз уж так блеснул на экзамене, но ему, Сержану, нужен энтомолог, желательно – доктор наук, на крайний случай – ветеринар, и он говорил об этом Герену, и повторял Трефуэлю, и целый год писал в заявках, которые, очевидно, никто не читал или читал, но плевать на них хотел, так что нет смысла множить бесполезные отчеты.

Услышав, что Йозефа послал в Алжир лично Луи Мартен, удрученный Сержан сказал невидимому собеседнику, что не имеет желания говорить с Мартемом, медленно опустил на рычаг трубку, как будто она весила тонну, и надолго задумался. Йозеф понял, что его вот-вот отправят восвояси, и решил, что, пожалуй, задержится в Алжире: на несколько недель денег хватит.

Две растущие под окном пальмы тихонько шевелили листьями, как будто приветствовали друг друга. Наверное, пустыня где-то совсем близко... Из Африки он отправится в Испанию – там для него найдется дело, а потом вернется домой, к отцу.

Сержан тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Вы везунчик, молодой человек, – сказал он. – Нам не хватает сотрудников, кроме того, я с интересом прочел вашу работу о внутриклеточном пищеварении сипункулидов и

²⁹ Чашка Петри – лабораторная посуда, имеет форму невысокого плоского цилиндра, закрывается крышкой подобной же формы, но несколько большего диаметра. Применяется в микробиологии и химии.

³⁰ Декантатор – аппарат для отстаивания суспензий и слива осветленной жидкости с осадка.

их кровавых клетках. Год вы будете на испытательном сроке, а там посмотрим. Добро пожаловать в Алжир, мсье Каплан.

У Йозефа началась новая жизнь. Еще месяц назад он и помыслить о таком не мог. В Париже его существование было скорее бурным, теперь же он каким-то волшебным образом превратился чуть ли не в монаха-цистерцианца³¹. Йозеф был одержим единственным желанием – стать членом команды Сержана, он мечтал, чтобы коллеги признали его за настоящего биолога, и безропотно выполнял любые их просьбы, брал на себя самую неблагоприятную и скучную работу. Иногда он не выходил из лаборатории по тридцать-сорок часов кряду и даже спал на раскладушке крепким сном без сновидений.

Монах не задает вопросов – он делает что велят. Осознанная покорность стала для Йозефа источником глубокого внутреннего удовлетворения, какого он никогда прежде не испытывал. Йозеф ничего не выбирал и не решал, просто делал, что ему говорили, и жил в идеальном мире, без врагов и проблем. В его распорядке дня не было ни малейшего просвета.

На сомнения не оставалось ни минуты.

Ему отвели комнату в пансионе «Монфлёр», которым управляла семья Морено. Дом находился в семи минутах ходьбы от института, и Йозеф, уподобясь рабочему муравью, следовал этим маршрутом дважды в день. Небольшую передышку он позволял себе лишь изредка – по воскресеньям, в конце дня: заходил в Ботанический сад, садился на скамейку под гигантским эвкалиптом и читал «Краткий курс энтомологии». Этот толстый учебник, изданный в 1924 году, не только не устарел, но и остался завораживающе увлекательным.

В вечер приезда Йозефа секретарша Сержана мадам Арман озаботилась устройством его быта (хоть и не была обязана!) и позвонила в пансион. Йозефу повезло: за два дня до этого освободилась комната окнами на улицу, и институт взял на себя оплату. Йозефу даже это скромное жилье было бы не по карману, теперь же он мог ни о чем не беспокоиться.

С узкого балкона был виден кусочек моря, хотя Йозефу от красивого вида проку было мало: он возвращался так поздно, что и ставен не открывал.

По утрам он вставал не позже шести, завтракал с другими пансионерами и отправлялся на работу. Чаще всего в «Монфлёр» селились коммивояжеры и командированные мелкие служащие, они рассказывали Йозефу о своих поездках вглубь страны, он слушал и время от времени кивал, демонстрируя внимание и интерес.

Грохот сапог стих, тревожные слухи сошли на нет. Окружающие не проявляли ни малейшей озабоченности и считали, что Йозеф напрасно беспокоится.

– Мы дрались за вас, молодой человек, – объяснял Йозефу мсье Морено, – ломали копья, спорили до хрипоты, бросались обвинениями, но новой войны никто не хочет.

Мсье Морено знал, о чем говорил, – он оставил в траншее в Аргонском лесу³² левую руку и ногу. Вечерами он сидел на стуле у крыльца дома, злословил о правительстве и обсуждал с соседями результаты чемпионата Северной Африки по футболу, пока их жены болтали о чем-то своем. Прохожие вынуждены были обходить их по мостовой, но это никого не злило, потому что все были давними знакомыми – все, кроме Йозефа.

Он так и не стал физиономистом и по-прежнему пользовался ловким трюком мэтра Мейера: здороваясь, протягивал руку, широко улыбался и спрашивал:

– Рад вас видеть. Как поживаете?

Все обитатели квартала считали «этого чеха» очень симпатичным, почти своим, несмотря на забавный акцент, хотя Йозеф пока не научился думать и чувствовать, как истинный «абориген».

³¹ Цистерцианцы – члены католического монашеского ордена, основанного в 1098 г.

³² В 1918 г. в Аргонском лесу произошло семнадцатидневное сражение между германскими войсками и войсками Антанты, получившее название Мёз-Аргонского наступления. Союзные армии вытеснили германцев из Аргонского леса за 29 дней до подписания Компьенского перемирия.

Однажды вечером, когда на улице было жарко, как днем, его любезно пригласили присоединиться к общему разговору, он поблагодарил, но отказался, объяснив, что должен вернуться в институт для снятия показаний. Никто ему не поверил – ни один врач не работает в подобный час, если, конечно, его не вызывают ночью к больному. Вежливый отказ Йозефа еще долго был темой для пересудов.

В спорах участвовали две неравные по силам стороны. Мужчины считали, что Йозеф высокомерен, как все французы, живущие в метрополии, особенно парижане (эти превосходят всех в зазнайстве и безразличии!), но их утверждения были голословными и не выдерживали критики. Женщины же находили Йозефа очаровательным, всем им нравились его загадочная улыбка, изящное обхождение и блестящие волосы. Он прекрасно одевался – не то что алжирские мужчины, неряшливые, развязные и плохо выбритые, «выгуливавшие» костюм исключительно в церкви или на похоронах. Дамский кружок полагал, что Йозеф нашел себе подругу по душе.

– Никаких сомнений! – безапелляционно заявляла Дениза, привыкшая, чтобы последнее слово всегда оставалось за ней. – Мадам Морено стирает ему белье, но не чистит ни костюмы, ни обувь, а он всегда ухожен и одет с иголочки! Тут видна женская рука.

Ни один мужчина не сумел достойно возразить, все ненадолго задумались и пришли к общему мнению:

– Шустрый ловкач!

Им не приходило в голову, что мужчина – будь он хоть трижды чех! – способен ловко управляться с утюгом или сапожной щеткой. Йозеф и знать не знал, что стал объектом сплетен и обсуждений, и упустил шанс быть принятым в «лоно семьи».

Его интересовали только вести с родины. Поначалу он каждое утро покупал «Л’Эко д’Альже»³³, но международные новости не слишком волновали эту газету. Главное место отводилось воспеванию роли Франции в отношениях с другими странами. Подписанное в Мюнхене соглашение практически не упоминалось, Чехословакию «переварили», а в действиях назначенного фюрером заместителя – рейхспротектора – неожиданно обнаружилось много «положительных аспектов».

Отец писал Йозефу короткие письма, сообщая, что дела в Праге идут как нельзя лучше. Половину квартиры теперь занимает немецкий офицер (к великому неудовольствию мадам Маршовой – она даже разговаривать с ним не желает!), ставший его пациентом. Через какое-то время письма стали приходить реже, а иногда и вовсе терялись в пути. Сам Йозеф обычно сочинял послания отцу в тишине Ботанического сада, которую изредка нарушали крики мальчишек, игравших в ковбоев или индейцев.

Я давно не имею от тебя известий и очень надеюсь, что ты здоров и благополучен. Не помню, упоминал ли в предыдущих письмах, что из моей комнаты открывается изумительный вид на море. Вернее будет сказать – на кусочек моря, остальное заслоняет дом. Из Ботанического сада, где я сейчас нахожусь, тоже видна синяя гладь воды, моментами кажется, что сюда доносится рокот волн. В следующий раз куплю открытку, чтобы ты смог насладиться этой красотой. У меня все так же много работы в институте, и я очень рад, что...

Йозеф поднял голову, истощив запас вдохновения. Свежий ветер разметал туман, открыв его взгляду четкие очертания города на фоне бухты.

В это мгновение он ощутил себя первопроходцем, высадившимся на берег неведомой земли.

³³ «L’Echo d’Alger» – «Алжирский вестник».

Далеко, очень далеко, там, где небо сходится с морем, вырисовывалась горная гряда, а может, это была иллюзия, созданная переменчивыми облаками... Йозеф до боли в висках вглядывался в горизонт, но не стал бы клясться, что синеватый массив ему не померещился.

Сразу после прихода в институт Йозеф начал работать над исследованием новой формы овечьего бруцеллеза под руководством доктора Донасьена. Сержан больше ни разу его не вызывал. Встречаясь в коридорах, они коротко кивали друг другу, обходясь без слов. У Йозефа не было никаких отношений с другими врачами команды. Если он входил в комнату, они прекращали разговор, спрашивали, что ему нужно, и ждали, когда он уйдет, чтобы продолжить. Коллеги не задавали новому сотруднику вопросов о его прежней и нынешней жизни. Однажды, в первую неделю работы на новом месте, несколько человек беседовали в институтском саду в тени каменного дерева. Йозеф решил вступить в разговор, но попытка не удалась. В другой раз он поинтересовался у докторов Фоля и Перро, родились они в Алжире или во Франции и где учились, что вызвало у них раздраженное недоумение, как будто этот вопрос был верхом бестактности. Йозефу пришлось извиняться.

Он не знал, как вести себя дальше, и не понимал, чем вызвана подобная реакция. Возможно, этими людьми руководит естественное недоверие к новому человеку? Или существует какая-то иная, неведомая ему причина подобного отношения? Они совершенно намеренно оставляли ему самую неблагоприятную часть работы – наблюдение за ходом экспериментов, и он подчинялся, понимая, что такова участь всех «послушников».

На завтрак Йозеф съедал на кухне огромную тарелку еды, приготовленной мадам Морено. Он никогда не возвращался в пансион обедать, и она удвоила его порции, чтобы он мог и вечером подкрепиться как следует. Хозяйка пансиона не делала ничего подобного для других постояльцев, это не входило в стоимость проживания, но к сотрудникам института достойная матрона относилась по-особенному. Они, по ее мнению, работали на благо общества, не жалея ни времени, ни сил, и она считала своим долгом вносить свой вклад в прогресс науки.

Йозеф любил оставаться на работе по ночам, когда остальные возвращались к домашнему очагу. В такие часы институт принадлежал только ему – полностью и безраздельно.

Он бродил по комнатам, изучал карточки с записями контрольных наблюдений, мысленно восстанавливал ход работы, анализировал отчеты, искал другие пути, пытался запомнить методики классификации и организации исследований и исправлял собственные ошибки, стараясь не привлекать внимания патрона. Сержан ничего не упускал из виду и руководил сотрудниками доброжелательно, но строго. Каждый руководитель лаборатории отчитывался лично перед ним. Он невероятно легко переходил от текущей работы к проблемам профилактики малярии и вакцинации новорожденных БЦЖ³⁴, от разработки новой вакцины против бешенства и репеллентов от саранчи к использованию растворимых сульфамидов для лечения трахомы и гранулирующих конъюнктивитов. Память никогда не подводила Сержана, он требовал, чтобы все результаты исследований предоставлялись ему без промедлений. Он был альфой и омегой и пользовался непререкаемым авторитетом: никому и в голову не приходило оспаривать его указания. Когда он хрипловатым голосом формулировал гипотезу, ее начинали разрабатывать немедленно, но, если высказывал сомнение, опыты тут же останавливали без колебаний и сожалений. Сержан уже сорок лет правил институтом как абсолютный монарх.

Йозеф три недели работал над сывороткой против овечьей оспы, часами не отходил от микроскопа, так что едва мог разогнуться, точно следовал протоколу, но ничего не выходило.

³⁴ Прививка БЦЖ нужна для профилактики туберкулеза у детей.

Вопросы он задавать не решался и продолжал проводить оспенные тесты в установленном порядке.

Однажды утром Сержан застал своего сотрудника спящим на раскладушке в овчарне, где он наблюдал за привитыми животными. Йозефа разбудило блеяние барана, он открыл глаза и увидел Сержана, который внимательно ощупывал животное.

– Похоже, наш подопытный в полном здравии, – с довольным видом заметил директор института.

– Вы так думаете? – осмелился спросить Йозеф.

– То, что ввели этому красавцу, его не убило, вот и хорошо.

Они отправились на кухню, Йозеф взял две большие пиалы, разлил кофе, и они выпили его в полном молчании, потом Сержан спросил:

– Вам нравится то, чем вы занимаетесь, Каплан?

– Конечно, мсье, работа очень интересная. Жаль только, что меня пока не приняли в команду. Видимо, приглядываются...

– Пока не закончится испытательный срок, другие врачи не будут относиться к вам как к равному. Стать членом «конгрегации» не так-то легко. Держите удар и терпите. Вы хорошо устроились?

– Мне нравится пансион, хотя я там только ночую. Мадам Морено хорошо готовит.

– Вы до сих пор обитаете в этом жалком заведении? Сущее безобразие!

Сержан встал и вышел, не сказав больше ни слова.

Во второй половине дня Йозефа посетила мадам Арман и сухим тоном сообщила, что завтра после двенадцати у него назначена встреча с заместителем директора института по хозяйственной части.

– Когда снова захотите пожаловаться, обращайтесь прямо ко мне, – закончила она и удалилась, не дав Йозефу возможности оправдаться.

Алжир, город-загадка. Йозеф никогда не ходил дальше газетного киоска на углу Лионской улицы – «слишком много работы, нет времени для праздных прогулок».

Он не испытывал желания узнавать этот город – предпочитал оставаться чужаком, посторонним.

Йозеф сказал мадам Арман: «Я не хочу переезжать – нет времени всем этим заниматься, и пансион Морено совершенно меня устраивает!» – но она ответила, что каждый врач-стажер имеет право на служебную квартиру и нет никаких причин нарушать заведенный порядок. Йозеф долго ехал на троллейбусе, вышел у Оперы, немного погулял, ошибся направлением и заблудился – улицы ничем не отличались одна от другой, толчея была как в Париже, прохожие торопились по своим делам, так что задать вопрос получилось не сразу.

Деревенский покой его прежнего квартала сменился суматохой и сутолокой: женщины переговаривались через улицу, стоя на балконах, разносчики катили тяжеленные тележки, чудом не сталкиваясь друг с другом, движение было таким плотным, что то и дело возникали пробки. Йозеф вышел к рампе³⁵ Мажента и обнаружил, что на одном уровне с морем находится только порт. Город Алжир выстроили на главенствующих высотах, он нависал над средиземноморской гладью, как будто хотел обезопасить себя от стихии, его было видно с любого угла любой улицы, им можно было любоваться из любой точки. Мимо Йозефа проехал троллейбус, и он заколебался: ему хорошо в пансионе Морено, к чему менять устоявшуюся жизнь? На улицу Дюмон-Дюрвиль он попал с пятнадцатиминутным опозданием, контора Мореля уже закрылась. На табличке были указаны часы работы – судя по всему,

³⁵ Рампа – плавное соединение дорог или частей инженерного сооружения, расположенных в разных уровнях, для движения транспортных средств или пешеходов.

здесь ценили пунктуальность. Йозеф начал спускаться по лестнице и вдруг услышал, как щелкнул замок. Он обернулся и увидел мужчину лет тридцати с сигаретой в зубах, одетого в элегантную жилетку из ткани с рисунком «куриная лапка». Тот встряхнул вьющимися волосами, протянул руку и спросил:

– Мсье Каплан? Долго нас искали?

Ответить Йозеф не успел. Незнакомец вглядывался в его лицо, насупив брови. Он на три долгие секунды задержал его ладонь в своей, потом широко улыбнулся и воскликнул:

– Счастлив с вами познакомиться! Как поживаете?

– Мы встречались?

– Я видел вас в «Балажо» с изумительной женщиной. Вы танцевали танго – не хуже Фреда Астера, все на вас смотрели и были в восторге.

– Вы преувеличиваете.

– Вовсе нет, клянусь всем святым. Думаю, я не первый говорю вам об этом. Я тогда принял вас за профессионала или киноактера.

Он был сама доброжелательность, и Йозеф заподозрил, что его собеседник тоже брал уроки у мэтра Мейера либо сам был адвокатом, но быстро понял, что он искренне радуется встрече, и тоже проникся к нему симпатией, не подозревая, что эта встреча изменит всю его жизнь.

Морис Делоне пригласил Йозефа пообедать, сказав, что не примет отказа.

– Я отвезу вас в одну столовую, увидите, вам понравится.

Он закурил, предложил сигарету Йозефу, и они тронулись в путь. Морис мастерски управлял автомобильчиком с передним приводом, вилял, протискиваясь в любой образовавшийся впереди просвет, весело смеялся, обгоняя троллейбусы по левой полосе, и не обращал внимания на возмущенное гудение клаксонов и ругань других водителей, поносивших его за сумасшедшую езду. Он расхваливал несравненные достоинства своей «7CV», которая не стоила ему ни сантима, и непременно хотел, чтобы Йозеф угадал, как он ее заполучил. Нет, это был не подарок. Нет, он ее не украл – выиграл!

– Ну надо же!

Немыслимая удача улыбнулась Морису однажды вечером в казино на косе Пескад. Он играл в баккара³⁶ – на квит³⁷ и удвоенную ставку³⁸ – и выиграл одиннадцать раз подряд. Невиданное дело! Вокруг стола собиралось все больше посетителей, партнер Мориса снова и снова удваивал ставку. Еще! Еще!

– В конце у меня шестерка, у него тоже, он просит карту и получает двойку. На кону целое состояние. Мне пришлось взять карту, и фортуна послала мне тройку. Тройка, я глазам своим не поверил! Он задрожал как осиновый лист, потому что не мог заплатить, и предложил взять машину. Мы время от времени встречаемся, но он даже не здоровается. Его отец – владелец цементного завода. В Алжире не принято делать крупные ставки, а со мной и вовсе никто не садится играть, что, впрочем, к лучшему, денег у меня все равно нет.

Через десять минут Морис припарковался на набережной, и Йозеф, ожидавший увидеть скромную заводскую столовую, оказался на пустынном пляже с малым бетонным форт-ом.

Над морем стоял деревянный ресторан, опоясанный широкой террасой на сваях.

Они вошли, и Йозеф почувствовал запах, показавшийся ему смутно знакомым.

³⁶ Баккара – карточная игра, в которой игроки стремятся набрать как можно больше очков, используя две или три карты. Раньше считалась игрой аристократов.

³⁷ На квит – ставить на карту всю выигранную сумму, играть на весь свой выигрыш.

³⁸ Система удвоения ставок – постоянное удвоение ставки при выигрыше или проигрыше (зависит от везения игрока).

Морис знал всех – хозяина по фамилии Падовани, его жену, официантку, клиентов, он пожимал руки, интересовался здоровьем, спрашивал, как идут дела, и представлял Йозефа: «Он один из двух лучших танцоров мира и влиятельное лицо в Институте Пастера, знаменитый врач, специалист по какой-то там опасной болезни, которая может убить человека за пять минут, но не волнуйтесь, они уже нашли лекарство...» В знак уважения хозяин угостил их крепкой анисовкой и подал на стол полдюжины тарелочек с разнообразными и очень вкусными закусками.

Папаша Падовани с восторгом внимал Йозефу, нахваливавшему бобы с тмином, картошку с перечной приправой, жареный нут, филе сардин в маринаде и квашеные семена люпина.

– Все домашнее, не сомневайтесь.

Йозеф не сразу понял, что это всего лишь «затравка», и Морис объяснил, что нигде в Алжире не подают кеми³⁹ лучше. Йозеф заставил его дважды повторить незнакомое слово по буквам. Никто точно не знал, как оно пишется, да и какая, к черту, разница! Падовани выставил еще анисовки, и у Йозефа закружилась голова – он отвык от спиртного. Морис болтал не закрывая рта, посетители смеялись, подходили поздороваться, хлопали друг друга по плечу. Йозеф пожимал руки милым людям, некоторые обнимали его, как старого знакомого. Подобное проявление чувств было ему внове, но он успел соскучиться по человеческому теплу и не колеблясь принял ритуалы ресторанного братства: хлопал других по спине, расцеловывался в щеку и перестал «выкаты».

Хлопок, поцелуй, мы на «ты», оставим церемонии китайцам.

Впервые в жизни незнакомый человек, сосед по столику, положил руку Йозефу на плечо, он хотел было отстраниться, но передумал: в этом дружеском жесте не было ничего двусмысленного. Йозеф «проставился» и был окончательно и бесповоротно принят в «семью». Он заметил в глубине зала эстраду с высокими табуретами и поинтересовался назначением пианино и аккордеона. «У нас лучший дансинг в Алжире, – объяснил Падовани. – Почти каждый вечер посетители танцуют под оркестр».

И тут Йозеф вспомнил: вот так же пахло в «Балажо» и «Мими Пенсон» – потом, сигаретным дымом, духами и пудрой... Пары кружились в вальсе, сходились в поединке танго. Неповторимый аромат, его не спутаешь ни с каким другим. Йозеф понял, почему Морис назвал павильон Падовани раем на земле. Еще стаканчик анисовки, на сей раз не такой крепкой. Несколько орешков. Пикантные оливки. Море за панорамным остеклением понтона. Синий Алжир. Он спросил: «Где я?» – и услышал в ответ два слова: «Вавилонская башня». Возможно, ему это показалось – алкоголь сделал свое дело, воспоминание о Вивиан (где она теперь?), другие расплывчатые образы, гул голосов в зале?

– Не знал, что она находилась здесь, – пробормотал он.

– Клянусь, дружище, ты в Баб-эль-Уэде! – торжественно подтвердил его сосед.

Морис Делоне был неисправимым закоренелым мечтателем, но имел весьма практичный ум. Как-то раз, в детстве, учитель спросил его:

– А ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

Товарищи Мориса отвечали «летчиком», «инженером», «пожарным», а он сказал:

– Богачом.

– Но это не профессия, Морис.

– Правда? А я и не знал.

Морис воображал себя родоначальником двести первой богатейшей династии, хозяином огромного кабинета окнами на Триумфальную арку, со столом красного дерева, персид-

³⁹ *Кемия* – многочисленные закуски, которыми начинают трапезу в странах Магриба (Алжир, Марокко, Тунис).

ским ковром на полу и стенами, украшенными слоновьими бивнями и картинами старых мастеров. Нечто подобное он видел в глянцевах журналах, воспевавших успехи капитанов индустрии, сфотографированных в пальто с каракулевым воротником и итальянских лакированных туфлях. Морис восхищался двухцветными английскими лимузинами, завидовал окружению богачей – художникам, артистам, дамам в вечерних туалетах, русским танцовщикам и Жану Кокто. Он будет отдавать распоряжения услужливым секретарям, приказывать, как генерал своему войску, покупать на аукционах безделушки эпохи Возрождения, повышая цену незаметным движением руки, а окружающим останется аплодировать и восхищаться. Он долго думал, в какой именно области расцветет его талант, представлял себя производителем женской косметики, кабриолетов, бытовой техники, красивой недорогой одежды, кинопродюсером...

Кризис 1929 года заставил Мориса задуматься: разве может он надеяться на благосклонность судьбы, если такие огромные состояния улетучиваются в мгновение ока, а выдающиеся люди, еще вчера закатывавшие роскошные обеды, сводят счета с жизнью, узнав, что разорены?

Родителям Мориса пришла в голову чудная идея – посетить Парижскую колониальную выставку 1931 года, проходившую в Венсенском лесу. Выставка была такая огромная, что обойти все за один раз не представлялось возможным, и Делоне потратили на нее шесть воскресений подряд. Десятки миллионов посетителей были убеждены в цивилизаторской миссии Запада, несущего благо и прогресс всему миру, и Франции, чья культура и гуманистические принципы призваны служить процветанию рода человеческого. Комиссар выставки маршал Лиотей⁴⁰ заявил на открытии, что истинная миссия колонизации заключается в достижении всеобщего мира и солидарности между людьми. Юного Мориса эти идеи потрясли.

Печальные события 1936-го⁴¹ еще раз подтвердили, сколь шатко и недолговечно благополучие добропорядочных граждан. Занятые рабочими мануфактуры и «гнусные требования пьяных нечестивцев» заставили мать Мориса прийти к окончательному выводу:

– Вот что я тебе скажу, сынок: единственное надежное вложение – земля. Она никогда не подводит. Как и камень. Завод могут занять неблагодарные рабочие, биржа может уподобиться «Титанику», гениальная идея – обернуться неожиданной катастрофой, но доходный дом, застрахованный надежной фирмой, никуда не денется.

Достойная дама гордилась тем, что вложила полученные в наследство деньги в три квартиры на Бульварах (они сдавались благонадежным чиновникам) и в два торговых предприятия рядом с «*Grands Magasins*»⁴², которые обеспечивали ей приличную ренту и защищали от превратностей судьбы, конкуренции и волнений черни.

– Благодарение Богу, собственность в этой стране священна, а наши коммунисты не так страшны, как другие.

Морис трижды провалил экзамен на степень бакалавра, не один раз менял мнение и наконец принял решение: он сделает состояние на недвижимости. Это надежно и определенно, ему это подходит.

Он пока не знал, как подступиться к делу, следовало продумать все до мельчайших деталей. Отец Мориса Филипп сразу, ясно и недвусмысленно дал понять, что не собирается

⁴⁰ Лиотей, Луи Юбер Гонзалв (1854–1934) – маршал Франции (1921 г.), министр обороны Франции в 1916–1917 гг., участвовал в колониальных войнах в Индокитае и Марокко, в том числе в Рифской войне. В 1912 г. был избран членом Французской академии.

⁴¹ Имеется в виду победа на выборах во Франции Народного фронта.

⁴² «*Grands magasins*» – универмаги. Появились во Франции в XIX в. и были в то время революционным явлением. В Париже осталось всего пять таких магазинов: «*Le Printemps*», «*La Samaritaine*», «*Le Bon Marché*», «*Le BHV*» и «*Galleries Lafayette*».

финансировать его дурацкие идеи и не потратит ни сантима на нелепые причуды и очередной бредовый проект. Если у человека нет денег, он ничего не построит. Молодые идиоты полагают, что банки существуют для того, чтобы давать деньги всем, кому ни попадя, – и жестоко заблуждаются! Кредитуют лишь тех, у кого уже есть капитал. Если Морис хочет разбогатеть, должен работать вместе с отцом, рано вставать и рано ложиться, не шлаться по ночным клубам и очень стараться. «Когда я после войны начал работать в магазине, отец был со мной суров и требователен, – добавил Филипп. – Я поступлю так же. Если откажешься, место займет твоя сестра».

– Элен? Да ей еще и восемнадцати нет!

Морис всегда считал младшую сестру девчонкой, которая должна выйти замуж, завести детей и жить по устоям буржуазного общества. Мысль о том, что она может пойти работать в водопроводную мастерскую, казалась ему столь же комичной, сколь и нелепой, а вера отца в способности сестры подтверждала, что даже самые трезвые умы подвержены влиянию опасных идей.

– У твоей сестры есть характер, она умеет добиваться своего. То обстоятельство, что сыновья не желают продолжить мое дело, не означает, что я прикрою лавочку или продам все чужому человеку. Я сам обучу Элен, и она преуспеет.

Морису не было никакого дела до «семейного дела», он великодушно пожелал всем удачи и покинул отчий дом с двумя чемоданами. Сначала у него была мысль эмигрировать в Америку – он бегло говорил по-английски (хоть какой-то прок от учебы!) и вообще имел способности к языкам, – но все вокруг убеждали его, что разбогатеть в Штатах совсем не легко, практически все иммигранты вкалывают за гроши и свое приходится брать с боем. Что уж говорить об опасностях, подкарауливающих человека день и ночь, там ведь стреляют из-за каждого угла!

И Морис отбыл в Африку. Империя не оставит своего сына. Там, за морем, возможностей хоть отбавляй, как и денег, и рабочей силы.

Сойдя с трапа парохода «Виль-де-Марсель», Морис, как и все путешественники, мгновенно влюбился в этот изумительный, красивейший в мире город и понял, что хочет жить именно здесь.

Он назначил себе срок в десять лет, чтобы преуспеть. Алжир станет моим Нью-Йорком, к тридцати я сколочу состояние.

Через две недели один из новых друзей помог Морису найти вполне прилично оплачиваемую работу у Мореля, в самой крупной фирме по управлению недвижимостью. С твердым окладом и комиссионными. Мореля впечатлили целеустремленность Мориса (хороший продавец должен уметь подать себя, так ведь?) и его оксфордский английский – владение этим языком никак не могло пригодиться в работе, но и помехой не являлось. Место, доставшееся Морису, требовало полной мобильности и как нельзя лучше подходило холостяку. Он обожал путешествовать, расстояния его не пугали, как и машины, и захудалые провинциальные гостинички, жара, пыль и комары.

Морис избрал тактику королевской кобры: никто не видит, откуда появляется хищница, она подкарауливает жертву, смеясь про себя над ее глупостью, делает бросок и заглатывает живьем. Безошибочно и эффективно. Морису досталось идеальное место для изучения рынка недвижимости, его потенциала, потребностей и рисков, он получил возможность попасть во влиятельные круги, показать, на что способен, чтобы потом начать собственное дело.

– Как ни крути, без удачи в жизни не преуспеешь.

– Любите рыбу? – спросил Морис.

Йозеф интуитивно понял, какого ответа от него ждут, и сказал: «Не просто люблю – обожаю!» Морис пришел в восторг. Обед у Падовани был всегда простой: рыба на гриле или жареная рыба. Выбор зависел от дневного улова: сардины, дорада, барабулька. Два-три раза в год, когда рыбачьи суда не выходили в море, Падовани готовил на ужин жаренное на гриле мясо, бараньи отбивные и колбаски мергез⁴³.

– Мер... что?

Морис был уверен, что Йозеф придушивается. Ну скажите на милость, разве может человек быть таким невеждой? Йозеф объяснил, что прибыл в Алжир два месяца назад и живет относительно уединенно, чем совершенно покорила Мориса Делоне. Он проявил сердечность, как и подобает в отношениях с новым клиентом, и выразил восхищение выдающимся талантом танцора, но к человеку, способному «заливать» с таким серьезным видом, в Алжире относятся с величайшим пиететом.

– Слушайте все! – призвал он аудиторию. – Йозеф Каплан не знает, что такое мергез! Каково?

Раздался оглушительный взрыв хохота. У Падовани давно не слышали лучшей шутки. К столику подошел хозяин, протянул руку и сказал:

– Друзья зовут меня Падо.

Йозеф скорчил хитрую рожу – улыбнулся до ушей, вздернул брови и прищурился, подтверждая: как я вас всех провел?! За несколько секунд у него появилось больше друзей, чем за всю предыдущую жизнь, да еще и репутация гениального насмешника. Шутовство в Алжире заменяет людям паспорт. Падовани подал отбивные и колбаски, Йозеф попробовал и чуть не задохнулся – еда была чертовски острой. Ощущение счастья для Йозефа будет теперь неразрывно связано с ароматом жаренного на открытом огне мяса, хотя поймет он это много позже, вернувшись в Чехословакию. А еще он будет гордиться тем, что первым открыл для сограждан Кафки острые алжирские колбаски мергез.

– Перейдем на «ты», не возражаешь? Мне так проще.

– Согласен, – не задумываясь ответил Йозеф.

Морис никогда ничему толком не учился: считал, что, с одной стороны, ему не повезло с наставниками, а с другой – мнил себя достаточно сообразительным, чтобы преуспеть в жизни и без всяческих наук. Йозеф слушал, завороженный убежденностью Мориса и его железной логикой, тот был свято уверен, что в школе должны учить читать, писать и считать, а все остальное – полная фигня и пустая дребедень.

– Такие, как я, не нуждаются во всяких там склонениях-спряжениях, – заявлял он. – Лучше бы жизни учили, а не крестикам-ноликам!

– И как же ты намерен преуспеть?

– Осталось урегулировать пару-тройку моментов. Нынешние волнения неблагоприятны для делового климата, так что я пока обдумываю план, изучаю мельчайшие детали, встречаюсь с важными людьми, завожу полезные знакомства. В нужный момент я буду готов, и все получится, как пить дать получится. Пойми, Йозеф, все люди делятся на два типа – «локомотивы» и «вагоны».

– У меня другой подход. Сомнение – неотъемлемая часть моей профессии. Я хочу раздвинуть границы и совершить какое-нибудь открытие.

Морис полагал, что институт занимается только разработкой вакцины против бешенства, и Йозеф коротко ввел его в курс дела.

– Не знал, что в мире осталось так много неизвестных болезней, – сказал Морис. – Доходное, должно быть, дело...

⁴³ Острые колбаски, очень популярные в странах Магриба.

– Доход – не наша забота. Мы не извлекаем выгоду. Вакцины продаются по себестоимости. Так хотел Пастер.

Когда Йозеф вернулся к описанию работы над сывороткой против овечьей оспы, Морис пришел в ужас и спросил, покосившись на свой шашлык из баранины:

– Ты уверен, что это не опасно?

Морис отвез Йозефа на улицу Жерико и показал ему квартиру в красивом «османовском» доме с аркадами. Они поднялись на плунжерном лифте⁴⁴ на шестой этаж, вошли, и Йозеф увидел анфиладу из трех комнат с белыми стенами и видом из окон на огромный сквер Нельсона. Кухня была отделана глазурованной плиткой в марокканском стиле, рядом находились большая кладовка и ванная с великолепной сантехникой. В коридоре имелись глубокие стенные шкафы, а с балкона можно было увидеть узкую полоску моря.

– У меня нет денег, чтобы оплачивать подобную роскошь.

– Это служебное жилье.

– Квартира слишком далеко от института.

– Всего четверть часа на троллейбусе.

– Я не умею готовить, а мадам Морено кормит меня сытно и вкусно.

– В ресторане выйдет дешевле, кроме того, мы станем соседями.

Слева, на величественном фасаде соседнего дома, крупными буквами на белом фоне было написано название кинотеатра – «Мажестик».

– Я живу на другой стороне улицы, напротив буквы «е». Любишь кино?

– Давно не бывал.

– Ничего, наверстаешь. У них идет американский фильм с Эрролом Флинном «Приключения Робин Гуда»⁴⁵. Обожаю американское кино! Сходим завтра вечером?

– У меня куча работы.

– В котором часу ты заканчиваешь?

– Мой рабочий день ненормирован, так что останавливаюсь, когда совсем устаю.

Йозеф разрывался между чувством долга и симпатией к Морису, который искушал его, как лукавый бесенок, тянул назад, в парижскую жизнь. Он стоял на балконе, облокотясь на перила и подставив лицо жаркому белому солнцу, слушал крики игравших в сквере ребятшек, любовался пальмами, вдыхал вечерние ароматы и вдруг подумал: «В конце концов, тут нет никакого противоречия...» Выбор сделан, нет нужды ни сопротивляться, ни бороться, Морис не сможет отвлечь его от институтских обязанностей, он, Йозеф, непременно совершит что-нибудь значительное в этой стране, а по вечерам в субботу и воскресенье будет развлекаться... по мере возможностей. Морис протянул Йозефу сине-золотую пачку сигарет «Бастос», оба закурили, и он сказал:

– Может, все-таки переедешь? Не понравится, вернешься в свой захудалый пансион.

Морис помог Йозефу перевезти вещи – все уместилось в два чемодана, а мадам Морено пообещала оставить за ним комнату до конца оплаченного месяца.

– Ты хорошо знаешь город, скажи, где мне купить почтовые открытки? – спросил Йозеф. – Хочу написать отцу.

У Мориса вошло в привычку заезжать за другом по утрам и забирать его после работы. Он останавливался под окнами, библикал, и Йозеф, не глядя на часы, понимал, что уже девять, снимал халат, выключал свет и покидал лабораторию, а поскольку он все равно уходил последним, никто знать не знал, что новичок поумерил пыл.

⁴⁴ Лифт с гидравлическим плунжерным приводом.

⁴⁵ Американский кинофильм режиссера Майкла Кёртиса 1938 г., получивший три премии «Оскар».

Иногда Морис забывал заехать. В первый раз Йозеф немного подождал на улице, решил, что у приятеля нашлись дела поинтересней, но в лабораторию не вернулся, а отправился домой пешком, поскольку троллейбусы уже не ходили.

Йозеф и Морис подружились, что было странно само по себе, ибо они исповедовали диаметрально противоположные политические взгляды. В Париже им было бы суждено стать непримиримыми противниками, но дивный алжирский климат и яркая синева моря и неба смягчали нравы и характеры, и оба подумали: «Плывать на „правых“, „левых“ и классовую борьбу, мы сами решим, что и как нам делать!» Они ошибались. Алжирские красоты никоим образом не меняют человеческую природу, ведь на свете нет моря кровавей Средиземного.

Йозеф часто писал в Прагу. Он послал отцу три открытки с видом городских статуй (Эдуард обожал скульптуру) – в Алжире их было немного, и все на редкость помпезные и тяжеловесные. Йозефа угнетало, что их с отцом связь становится все тоньше.

– Ты бывал в Праге? – спросил он однажды Мориса. – Мы съездим туда вместе, и я покажу тебе самые прекрасные статуи в мире. Я должен был вернуться, убедить отца покинуть Чехословакию и увезти его в Париж.

– Да не терзайся ты так, все обойдется.

Они всегда ужинали у Падовани, и Йозеф уже на второй вечер понял, как нужно себя вести: искренняя улыбка, вопрос: «Ну как сегодня дела?» – и вот ты уже член семьи. У них теперь был свой столик у окна, и никому не приходило в голову занять его. Официантка Мишель сразу приносила анисовку, закуски и предлагала блюдо дня, а они заказывали бутылку маскиры.

К ним подходили, жали руки, хлопали по плечу, чокались, шутили и задавали один и тот же вопрос: «Что заказал? Жареную рыбу?! Да брось ты!»

– Красотка, с которой ты тогда танцевал, твоя подружка? – спросил как-то раз Морис.

Йозеф кивнул:

– У нас был... короткий роман.

– Ты ее любил?

Йозеф не нашелся что сказать.

В десять вечера, как обычно, зажегся зеленоватый свет, и на эстраду вышел оркестрик – два аккордеониста и ударник. Играли они хорошо. Аккордеонист, что постарше, обожал пасодобль⁴⁶ и часто исполнял «Есрафа саїи». Йозеф снова окунулся в любимые волшебные мелодии, музыка проникала в душу, согревала его.

– У нас вышло странное расставание.

– Ты, наверное, ужасно страдал?

Йозеф пожал плечами и повысил голос, чтобы Морис лучше его слышал:

– У Вивиан... была... шелковая кожа... не атласная, а еще более гладкая и нежная... как... как лепестки пиона... Ты когда-нибудь ласкал пальцами этот цветок? Меня бросало в дрожь, когда я касался ее тела. – Йозеф покачал головой. Переливы аккордеона, ладонь Вивиан у него на спине, аромат жасмина и мимозы, голос Гарделя. Пожалела ли она хоть раз о тех волшебных мгновениях?

– Почему вы разошлись? – продолжил допрос Морис.

«Так бывает, когда один из двоих любит сильнее», – подумал Йозеф, но делиться банальной истиной с приятелем не стал и просто улыбнулся. Никто никогда не задавал ему подобных вопросов. Ну что же, друзья на то и друзья, чтобы беречь наши раны... Они чокнулись и выпили еще по одной.

⁴⁶ *Пасодобль* («двойной шаг») – испанский танец, имитирующий корриду.

– Коварное вино. Ароматное, и крепость всего тринадцать градусов, но голову кружит. Морис представлял Йозефа посетителям – все они были его лучшими друзьями – и расхваливал так, словно знал его с незапамятных времен:

– Он лучший танцор из всех, кого я видел. Самые красивые женщины Парижа спорили за право потанцевать с ним.

– Пригласите меня? – спросила брюнетка в голубом платье с цветочным рисунком.

Йозеф протянул было руку, но передумал: оркестр играл «Белые розы», навевавшие ему ностальгически-печальные воспоминания.

– Как-нибудь в другой раз...

– Не рассчитывайте! – раздраженно бросила обиженная претендентка.

– Зря ты отказался. Алжирские девицы мнят себя герцогинями – сам понимаешь, репутация! – и никогда не делают первый шаг. Иди потанцуй.

– Это несчастливая песня...

– Моя подружка любит танцевать, – сообщил Морис, – думаешь, мне стоит поучиться?

– Не утруждайся. Вот что я тебе скажу: девушкам плевать, даже если ты неповоротлив как бегемот, а мужчины обращают внимание только на твою партнершу. Ты все еще помнишь Вивиан, так ведь? Танец и любовь очень похожи. Смотри своей даме в глаза, вот и вся премудрость. Начинать лучше с явы. Не изображай повесу, когда она обнимет тебя за шею, ни в коем случае не держи руки в карманах – женщины это ненавидят, не хватай ее за зад, такое по нраву только простолюдинкам. Твои пальцы должны нежно касаться поясницы.

– Ей не понравится.

– Мой приятель Марселен говорит, что Господь придумал женские попки, чтобы танцевать яву. Никогда не обжимай партнершу, не улыбайся, будь загадочным. Видел, как ходят утки? Ну вот и подражай птичкам. Плечи чуть вперед, и не отводи взгляд даже на секунду. Веди себя непринужденно. Будь спокоен. Партнеры должны держаться очень близко друг к другу – так чтобы между ними мог поместиться только листок папиросной бумаги. Вертишь ее медленно, потом поднимаешь правую руку чуть выше, а левую опускаешь на бедро. Легкое давление. Пристальный взгляд без улыбки. Раскачиваешь ее – и она вынуждена следовать за тобой.

Женщины приглашали Йозефа на танго, забывая об элементарных приличиях, и он почти всегда соглашался, его не волновало, хороша девушка или страшна как смертный грех, стройна или похожа на бочку. Если ему случалось дважды станцевать с одной и той же партнершей, это вызывало всеобщий ажиотаж и сплетни. Главным видом женского спорта в Алжире было злословие.

Ни одной не удалось разгадать тайну Йозефа.

Он не искал выгодную партию, не собирался жениться, хотел работать в своей лаборатории, как можно чаще танцевать, напевать, слушая пластинки Гарделя, и не меньше полчаса плавать по вечерам у мола Адмиралтейства – даже в ледяной воде.

Бог их знает, этих загадочных чехов, может, он просто не любит женщин, досадовали некоторые, хотя шестое чувство подсказывало: мужчина, который так восхитительно вальсирует, не может быть «не таким». Ему прощали отказы, фразочки вроде «Я подумаю» или «Я извещу вас, как только освобожусь» (он умел ловко уклоняться) и повторяли приглашение.

Обычно Морис водил машину осторожно, но на сей раз решил обогнать троллейбус на авеню де ла Марн и вжал в пол педаль акселератора. Йозеф закрыл глаза, вцепился в ручку дверцы и замер, ожидая неминуемого лобового столкновения. Ехавший по встречной полосе грузовик резко затормозил, водитель отчаянно жал на клаксон. Морис вильнул, опу-

стил стекло, обругал бедолагу, расхохотался, нервно похлопывая ладонью по рулю, и вдруг остановился у Большой мечети.

Йозеф впервые попал в Старый город, грязный, впавший в дрему мавританский квартал. Ветхие заколоченные дома налезали друг на друга, извилистые проходы упирались в темные лестницы. Друзья миновали улочку, заканчивающуюся тупиком, и вышли из машины.

Морис привел Йозефа в одно из своих «ленных владений». Ресторан «Марселец» был битком набит посетителями, и им пришлось ждать столик. Официанты разносили по залу пирамиды тарелок на подносах. Морис здоровался со знакомыми и представлял им Йозефа как своего лучшего друга. Меню было написано на большой доске, все блюда шли по одной цене, так что, выписывая счет, достаточно было посчитать тарелки. Весьма практично.

Йозеф хотел заказать шампанское, но в заведении его не оказалось, и они взяли бутылку терпкого «Сиди Брахим». Бьющая через край веселость Мориса сменилась унынием, и он выпил три стаканчика подряд. Никто так и не сумел выяснить, как именно связаны алкоголь и любовь, хотя многие пытались. Почему любовное разочарование заставляет людей тянуться к бутылке? Чего они хотят? Прогнать печаль? Убедить себя, что произошло недоразумение, ошибка? Стереть настоящее? Взбодриться? Наказать себя? Сделать вид, что ничего не произошло? Или все вместе, что и объясняет бессвязность речей. Йозефу не пришлось уговаривать Мориса открыть душу.

– Я безумно ее люблю, она меня тоже, но все-таки хочет уехать.

Возлюбленную Мориса звали Кристина, и она доставляла ему множество проблем. Он говорил о девушке так, словно Йозеф давно и хорошо ее знал. Кристина была актрисой и твердо решила отправиться в Париж.

Упряма как осел, переубедить ее нет никакой возможности.

– Если любишь, езжай с ней, тебя здесь ничто не держит.

– Я приехал в Алжир, чтобы нажить состояние, ничего не сумел скопить, а возвращаться побежденным не хочу.

– Почему, скажи на милость, ты ставишь свой успех выше ее артистической карьеры?

– Она работает без сна и отдыха. Играет в театре, без конца ездит на гастроли. В этой стране чертова прорва театров. Так что без дела она не сидит. А сейчас отказывается от любых предложений и уже месяц днем и ночью репетирует пьесу. Но мадам этого мало, ей, видите ли, требуются «новые вызовы»!

Кристине надоел алжирский театр, она мечтала о кино. В картине «Пепе ле Моко»⁴⁷ у Кристины была роль в массовке, всего две сцены, но одна из них с Габеном. Больше она не снималась.

Кристина написала Габену, чтобы попросить совета, но ответа не получила. Побывала на студии в Бийянкуре, попробовалась на роль в костюмном фильме об эпохе Великой французской революции, о результатах ей не сообщили, и она убедила себя, что должна переехать во Францию, ибо только там можно добиться успеха. Решено: после премьеры пьесы и гастролей, если таковые состоятся, она отправится в Париж.

– Это будет катастрофа, если Кристина уедет. Я без ума от нее, понимаешь? Ты должен мне помочь, Йозеф.

Морис сочинил историю о некоем актере, который преклоняется перед театром и презирает кино. Он прочел массу интервью со знаменитостями в «Синемонд» и «Синеревю», и все они утверждали, что истинное искусство «прописано» на сцене. Морис был профаном, но звездам доверял, а они относятся к кино свысока, считают его способом заработать легкие деньги, эрзацем, которым занимаются те, кто провалился на подмостках, не понра-

⁴⁷ «Пепе ле Моко» – художественный фильм 1936 г. режиссера Жюльена Дювивье, в главной роли – Жан Габен.

вился придирчивой публике, готовой освистать любого, не умеющего играть классику. Кино – искусство иллюзий, актер становится марионеткой в руках ловкача-режиссера.

– Если Рэмю⁴⁸, Жуве⁴⁹ и Гитри⁵⁰ сходятся во мнении, им можно верить, разве нет?

Морис достал из бумажника сложенную вчетверо вырезку, аккуратно развернул и начал читать срывающимся от волнения голосом:

– «...Музыка расставляет нужные акценты, свет подсказывает зрителю, куда смотреть, умелый монтаж определяет за него, что он должен увидеть. Настоящий артист не нуждается в подобных ухищрениях, чтобы привлечь внимание сидящих в зале зрителей, которые ерзают, кашляют, вздыхают, аплодируют, свистят и трепещут, ибо артиста делает публика. В кино между артистом и его публикой стоит экран...»

– Вот это ты и должен объяснить Кристине.

– Но мы не знакомы!

– Я часто говорил ей о тебе, и она жаждет личной встречи. Завтра у нее премьера.

– Мне не хочется идти, я в театре скучаю.

– Но я прошу о дружеской услуге! Сделай над собой усилие.

– Если Кристина приняла решение, она никого не станет слушать. Ты действительно любишь эту девушку? Так женись на ней.

– Я об этом думал, но она против брака. Говорит, что семья – тюрьма для женщин, и хочет сохранить свободу.

– Феминистка! Тебе не повезло. По большому счету она права. Возможно, стоит представить дело иначе? Ты любишь детей? Хочешь завести семью?

– Она считает, что рождение ребенка закабальет женщину, привязывает ее к домашнему очагу и это оскорбительно. Кристине нужен успех, она не собирается заниматься хозяйством.

– Ну так уговори ее! Белое платье, Мендельсон, медовый месяц в Венеции... Может сработать.

– Я соврал насчет своего возраста.

Услышав подобное признание, любая женщина обняла бы Мориса, утешила его, посмеялась и простила, однако реакцию Кристины никто не взялся бы предсказать.

Морис принадлежал к племени неисправимых бабников, волокит, трепачей, любителей сентиментальных историй. Некоторые ловеласы носят каблуки, другие – пиджаки с подкладными плечами, третьи зачесывают волосы с затылка на лысину или красят их в жгуче-черный цвет, Морис был завзятым вралем и мог этак небрежно (псевдонебрежно!) дать понять собеседнику, что он – тайный внук Рокфеллера (боже, какой у него трудный характер!), летчик-испытатель нового французского реактивного самолета (но об этом не следует распространяться, вы же понимаете!) или секретный агент на отдыхе (инкогнито, но вам я доверяю).

– Значит, тебе двадцать три? Невероятно! Ты и меня провел, – признался Йозеф.

– Я выгляжу намного старше, и для дела это неоценимое преимущество.

– Женщины – странные существа. Если переспшишь с другой, она подумает: такова жизнь, все мужчины мерзавцы, придется смириться. Но вранья про возраст она тебе никогда не простит.

⁴⁸ Рэмю, Жюль (наст. имя – Жюль Огюст Сезар Мюрер, 1883–1946) – французский режиссер, актер театра и кино.

⁴⁹ Жуве, Луи (1887–1951) – французский режиссер, актер, педагог. С 1934 г. – руководитель театра «Атений» (Париж).

⁵⁰ Гитри, Саша (наст. имя Александр Жорж Пьер Гитри, 1885–1957) – французский писатель, актер, режиссер и продюсер.

Из заводской кирпичной трубы поднимался белый дым. Пьянящий запах апельсинов обволакивал людей – их было четыреста или пятьсот, – собравшихся в бывшей промышленной зоне на бульваре Тьера. Морис и Йозеф пришли с друзьями, и сейчас те пытались убедить их, что «Амер Пикон»⁵¹ помогает лечить малярию.

Установленный факт.

Поначалу французская армия заказывала значительное количество этого аперитива для лечения военнослужащих. Скептицизм Йозефа поражал его товарищей: только иностранец может быть таким недоверчивым.

– Лет сто или двести назад было отмечено благотворное действие сверхдозы хинной настойки, – сказал Йозеф. – Сегодня для достижения результата пришлось бы выпить сотни литров. Цирроз убил бы тебя прежде малярии.

Продолжить он не успел – толпа двинулась вперед, и они оказались в помещении заброшенного склада.

Театральный антураж отсутствовал напрочь. Не было ни афиши, ни билетной кассы, ни билетов, ни билетерши. Даже кресел, да что там – стульев и тех не было.

Зрители стояли плечом к плечу, входящие теснили переминающуюся на месте толпу. Мориса и Йозефа отнесло к столбу, еще полчаса публика старалась угнездиться в импровизированном «зале», потом двери закрыли, свет погас и установилась тишина.

Фонари рампы высветили служившее сценой возвышение без занавеса.

Навязчивый апельсиновый аромат заглушал запах табачного дыма – многие курили.

Беспросветная темнота.

Крики, стрельба, визг.

«Начало неудачное, театр любительский», – сделал первый вывод Йозеф.

Тусклый свет от свисающей со шнура лампочки падает на сцену. Крики становятся громче.

Йозеф вздохнул, спросил себя, сколько времени продлится спектакль в этом странном месте, и отреченно подумал: видимо, долго.

Грохот сапог, подобный *кончерто аллегро* или кавалерийской атаке.

По спине Йозефа пробежала дрожь. Его внимание привлекли трое мужчин и женщина в немецкой форме. Офицер, солдаты. На сцене не было ни декораций, ни мебели, лучи прожекторов светили на голую стену, создавая иллюзию кабинета, камеры, разгрузочной платформы с блоками и тросами, напоминающей пыточную комнату, ниши в стене.

Морис подтолкнул Йозефа локтем и шепнул:

– Вот она.

Кристина была безжалостна, методична, спокойна. Объявленный в розыск человек наконец арестован, но он ли писатель Каснер, один из руководителей разгромленной партии? Никто не может ответить, сохранилась всего одна мерзкая книжонка без фотографии на обложке (и зачем только сожгли остальные?).

Женщина молит Кристину о пощаде, вызывает к человечности, та грубо ее отталкивает.

– Это Нелли, – прокомментировал Морис.

Час или два? Йозеф не знает, сколько продлилось представление, ему кажется, что совсем недолго. Он ошарашен, потрясен, такое с ним впервые. Морис первым начинает аплодировать, подавая сигнал остальным. Всеобщее счастье. Зрители хлопают до боли в ладонях, кричат «браво» – как еще они могут выразить свою благодарность?

Два прожектора освещают пустую сцену. Актеры не выходят на поклон, публика обижена, даже разочарована, люди встают на цыпочки: ну где же они, в самом деле?

⁵¹ «Амер Пикон» – французская горькая настойка (биттер) с ароматом апельсина. Вырабатывается из апельсинов, горечавки, хинина и специй.

Исчезли – ни актеров, ни театра. Остался только аромат апельсиновой цедры.
Толпа медленно вытекает из ангара.

– Ну как тебе? – спросил Морис. – Только честно.

Не дав Йозефу ответить, Морис сам пустился в рассуждения. Ему понравилась только Кристина – потрясающее удовольствие смотреть, как она двигается, как произносит текст, словно и впрямь верит в то, что говорит. Невероятная искренность. Без нее действие не имело бы никакого смысла. Пьеса не увлекает. Нечто вроде абстрактной живописи – ни логики, ни реализма. Морис мало что понял в этой перегруженной деталями истории. Кто есть кто на самом деле? Кто такой Каснер? Почему остальные с таким упорством ищут его и зачем все время кричат? Трудно выделиться в пустом пространстве, жаль, конечно, что у них нет денег на декорации, но можно было напрячься, извернуться, взять три деревяшки, какие-нибудь шторы, подмалевать тут и там. Лично он ни на секунду не поверил в правдивость действия, да и другие зрители, судя по перешептываниям, ни черта не поняли. Морис был обеспокоен будущим труппы – в Алжире спектакли ставят, чтобы развлечь публику, а не сбить ее с толку.

– Нужны неожиданные повороты, всяческие *квипрокво* и остроты, правильно?

Йозеф попробовал объяснить, что это новая форма театрального языка, что Мате уходит от традиционного театра, что для него важен политический контекст и он предостерегает людей, напоминая о том, что происходит в Германии, но Морис не сдавался:

– Скука смертная, два часа на ногах – это уж слишком!

Морису предстояло высказать свое мнение Кристине, и он откровенно трусил:

– Честность тут неуместна, приятель. Скажи ей вот что: тебя переполняют чувства, ты не находишь слов, она играла чудесно, публика счастлива.

– Ты прав. Повторю слово в слово.

С высоты своих двадцати пяти лет Альбер Мате проповедовал аскетические ценности во имя морали. Он заявлял, что искусство – это пропагандистский инструмент на службе буржуазии, коммерческий театр умер, нужно просвещать души, стать орудием культурного освобождения и нести политическое послание, не зависящее от идеологического содержания, информируя зрителей о социальной реальности, то есть история должна стать центром выражения, а драматургия – предпочесть индивидууму с его личной судьбой эпический масштаб событий.

Мате встретился с Мальро⁵² в 1935-м, когда тот приехал в Алжир представлять свой роман «Годы презрения», первую книгу о нацистском варварстве и посягательстве на человеческое достоинство. Мате испросил разрешения переделать роман в пьесу, и Мальро прислал телеграмму, состоявшую из одного слова: «Играйте».

В труппе Мате творческий процесс был коллективным и анонимным: имена авторов, техников, артистов не указывались, они не выходили на поклон, не стремились к известности, получали мало или совсем ничего не получали, каждый зарабатывал на пропитание, но смыслом жизни был театр. За билеты никто не платил, но зрители могли делать добровольные пожертвования. Денег у них не просили, но помогали осознать свою гражданскую значимость и понять, как устроен мир.

У Падовани Мате был своим человеком, как-то раз он даже сыграл здесь спектакль.

Мишель принесла заказ и прервала разглагольствования режиссера. Йозеф, Морис и артисты начали передавать друг другу тарелки и принялись за еду. Посетителей пришло так много, что Падовани поставил им стол на открытой террасе. Декабрьская ночь была по-весеннему теплой, усеянное звездами небо отражалось на неподвижной морской глади.

⁵² Мальро, Андре (1901–1976) – французский писатель, культуролог, герой Сопротивления, идеолог Пятой республики, министр культуры в правительстве де Голля (1958–1969).

Два цыганских гитариста Тони и Жанно кружили головы слушателям, собравшимся перед эстрадой. Сидящие на песке люди предавались беседе под звуки волшебной музыки.

Йозеф закрыл глаза. Мелодия пронзала ему сердце, опьяняла виртуозностью, у него кружилась голова, дрожали губы. Он встряхнулся, почувствовав на себе взгляд Кристины.

– Потанцуем? – спросил он.

– Под эту музыку не танцуют – ее слушают.

– А вот у меня затекли ноги, – вмешалась в разговор Нелли.

Она поднялась и протянула Йозефу руку. Нелли было все равно, что подумают о ней окружающие, она не придавала значения пересудам и сплетням «этих примитивных обывателей», стремясь подтвердить свою репутацию «плохой девчонки». Еще в школе она никогда не опускала глаз, если ей делали выговор, и даже огрызалась – «ну что за дерзкая нахалка!». Нелли курила на улице, выходила без шляпы, слишком громко смеялась, слишком ярко красилась и носила в обычной жизни сценические платья. Нет, Нелли не была шлюхой – она ломала комедию, делала что хотела и когда хотела.

– Придержи коней, – посоветовала Кристина, – у мсье сердечная рана.

Йозеф нахмурился, а покрасневший от неловкости Морис взглядом попросил у него прощения: «Ну что с нее возьмешь, женщина, она и есть женщина, все они трещотки и сплетницы, рассказываешь ей по секрету о горестях лучшего друга, заставляешь поклясться, что будет молчать, а она тут же передает все... двум-трем закадычным подружкам. Ничего страшного, конечно, не случилось, но теперь весь Алжир в курсе...»

Да, мужчины и одним взглядом могут многое сказать друг другу.

У Нелли были невероятные зеленые глаза и полное отсутствие чувства ритма, но она, как настоящая актриса, умела подчиняться партнеру, позволяя ему вести.

– Не грустите, – прошептала она и еще теснее прижалась к Йозефу.

Он повидал немало сентиментальных девиц и отвечать не стал, только улыбнулся в ответ самой сладкой из своих улыбок. Женщины обожают мужчин с ореолом любовных страдальцев, считают их особенными. Они умеют чувствовать, не то что неотесанные алжирцы. Немного тепла и нежности, и разбитое сердце забьется сильнее. У Нелли тоже был печальный опыт, негодяй бросил ее, как старый стоптанный башмак, потому что его семья сочла актрису недостойной – вы только подумайте! – их круга. Хуже всего, что он местный и они иногда пересекаются. «Не знаю, что бы со мной было без работы и помощи Мате, вот кто настоящий мужчина!»

Тони и Жанно отправились отдыхать. Зеленоватый свет, тихая музыка – серьезная музыка. Падовани считал делом чести «угощать» посетителей новинками, он обожал Бинга Кросби⁵³, Рэя Вентуру⁵⁴, Люсьен Буайе⁵⁵ и Жана Саблона⁵⁶, хоть у того и не было голоса. Рина Кетти⁵⁷ пела «Я буду ждать» со своим прелестным итальянским акцентом. Танцпол постепенно заполнялся парами. Нелли знала слова наизусть.

– Моя любимая песня. Вы прекрасно танцуете. Как ее звали?

– Предпочитаю все забыть.

Итак, два человека вступают в отношения.

⁵³ Кросби, Гарри Лиллис «Бинг» (1903–1977) – американский певец и актер, зачинатель и мастер эстрадно-джазовой крунерской (свинговой) манеры пения.

⁵⁴ Вентура, Рэй (1908–1979) – выдающийся французский джазмен, продюсер, композитор, актер, сценарист. Известен как исполнитель французского оригинала песни «Все хорошо, прекрасная маркиза».

⁵⁵ Буайе, Люсьен (1903–1983) – французская певица, прославилась исполнением песни «Говори мне о любви» Жана Лемуара.

⁵⁶ Саблон, Жан (1906–1994) – певец и актер. Во Франции его считали послом французской песни за границей.

⁵⁷ Кетти, Рина (1911–1996) – французская певица.

Кристина радуется: ее лучшая подруга наконец-то вытянула счастливый билет. Похоже, этот парень – редкая птица, он холостяк, но не закоренелый, хорош собой, элегантно одет, не прижимист. Морис, знавший его по Парижу, утверждает, что он очень талантливый врач, а его бывшая подруга была прекрасна, как орхидея. Некоторые мужчины отлично умеют скрывать чувства, вот и этот не выглядит отчаявшимся, прячет печаль глубоко в душе. Да, что и говорить – уникам.

– Ты точно знаешь, что он не женат? – не успокаивалась Нелли.

У нее были свои соображения насчет того, как лечить Йозефа.

– Мужчинам нужно не танго, а кое-что другое.

Хитрюга Нелли задавала Йозефу осторожные, невинные вопросы. Как давно вы здесь? Вам нравится город? Чем вы занимаетесь на работе? Надолго здесь задержитесь? Она не хотела так сразу показывать, что он ей нравится, ей надоели скользкие типы и коммивояжеры, она ничего не понимала в биологии и еще меньше – в научных исследованиях, бросила школу, чтобы выучиться на портниху, дело хорошее, если начальница не старая карга. В детстве Нелли воображала себя Жанной д'Арк, спасительницей Франции, а теперь вот играла на сцене, и голос у нее был с хрипотцой – никак не удавалось бросить курить. О Чехословакии она ничего не знала и вообще мало где была.

– Говорите, там очень холодно? Ненавижу холод, я однажды была в Париже и чуть не вымерзла.

Нелли поделилась с Йозефом секретом: она старается экономить и обязательно накопит денег на мантию из чернубурки или аляскинского зайца.

– Если хочешь сниматься, нужно ехать в Париж или Голливуд, так ведь? Я не тороплюсь, мне нравится ваш выговор, да, не смейтесь, местные мужчины говорят так, будто у них рот набит горячей картошкой, у меня вот нет акцента, правда? На сцене требуется идеальное произношение, тут Мате непреклонен, он говорит, что Береника⁵⁸ с баб-эль-уэдским⁵⁹ акцентом – оскорбление хорошему вкусу. В этой стране люди очень инертны, они застряли в Средневековье: мужчины ходят на службу, женщины сидят дома с детьми. Я их не перевариваю, Кристина тоже, мы не заводим романов с местными.

– Правда? – вежливо поинтересовался Йозеф.

Нелли не должна была вести себя подобным образом – так не поступают, и уж точно не на первом свидании, не во время первого танца. Что тут сработало? Особенный мужчина, ее страстная натура, влюбленные парочки рядом на площадке? Как кружится голова, народу сегодня – не протолкнешься... Руки вокруг шеи, глаза улыбаются, сердца колотятся, она этого хотела, все просто, он бы не посмел – слишком уж хорошо воспитан, с мужчинами так всегда, если они, конечно, не хамы, чехи, должно быть, застенчивы, она опирается на него, он слегка наклоняется, она не чувствует смущения, закрывает глаза, он касается губами ее губ, она целует его как женщина, которая испытывает желание, не как в кино, не «поцелуй в диафрагму»⁶⁰, он крепко сжимает ее в объятиях, неожиданное и сладостное слияние тел.

Мате проникся к Йозефу дружескими чувствами, и его приняли в сообщество. Не случись этого, он бы так и остался приятелем Мориса, парижанином и любовником (очередным!) Нелли. Ему повезло: в колониальном городе Алжире не было других чехов, кроме него, а Мате бредил Прагой, преклонялся перед Кафкой и считал потрясающим совпадением тот факт, что Йозеф – тезка главного героя «Процесса».

⁵⁸ «Береника» – трагедия в пяти актах французского драматурга Жана Расина. Премьера состоялась в 1670 г.

⁵⁹ Баб-эль-Уэд – приморский квартал г. Алжира. (Прим. ред.)

⁶⁰ Поцелуй в диафрагму – монтажный прием в старом кинематографе: когда влюбленные, пройдя через все испытания, сливались наконец в нежном поцелуе, кадр целомудренно затемнялся.

– Это сходство – сущее проклятие, – признался Йозеф. – Я родился в тысяча девятьсот девятом, к тому моменту Кафка еще ничего не опубликовал. Я не считаю его истинно чешским писателем. Двуязычный человек пишет на языке сердца. Не знаю, на каком языке Кафка мечтал, но все свои произведения, как и Рильке, написал на немецком. Это доминирующий язык – язык людей, добившихся общественного признания, и Брод⁶¹ издал книги покойного друга в Берлине. Не все они переведены на чешский, так что ценят и любят Кафку только интеллектуалы.

– «Замок» только что вышел на французском. Это великий роман. Вы же не станете отрицать, что действие происходит в вашей стране?

– В оригинальной версии ни одна деталь не указывает на то, что события «Процесса» и «Замка» разворачиваются в Праге. Кафка самый «не пражский» писатель из всех наших литераторов.

– Думаете, местом действия может быть Африка?

– Почему нет...

– Алжир? Оран?

– Любое место. Кафку считают «загадочным» автором по одной простой причине: все его книги остались незавершенными. Романист, который не может закончить ни один роман, расписывается в творческой несостоятельности. Кафка хотел, чтобы после смерти его книги и рукописи сожгли, потому что знал им цену. Брод не выполнил волю друга, он предал его и счел своей миссией переписать, переделать наследие Франца. Почему, как вы думаете? Кафка не умел сочинить интригу, найти концовку и каждый раз, зайдя в тупик в лабиринте сюжета, откладывал рукопись на этажерку и переходил к другому тексту.

Морис напомнил Йозефу, что он должен вразумить Кристину, убедить ее отказаться от мысли сделать карьеру в Париже. За ужином Йозеф приступил к делу, решив зайти изда-лека, и поинтересовался планами девушки. Сидевший напротив Мате ответил, что их спектакль «Время презрения» получил отличную прессу и он только что подписал контракт на гастроли по Алжиру, потом они, возможно, повезут его в Тунис. Кроме того, он принял предложение «Радио Алжира» сделать радиовersion спектакля. У Мате вообще было множество идей, но больше всего он хотел инсценировать «Братьев Карамазовых».

– Тридцать девятый может стать для нас удачным годом. Несмотря ни на что... – заключил он.

– Полагаете, будет война? – спросил Йозеф.

– Она уже началась, но мы этого не поняли.

Жизнь Йозефа омрачала тревога за отца. Каждую ночь он видел один и тот же сон и просыпался в поту и тревоге. От Эдуарда давно не было известий, и Йозеф не знал, доходят ли до адресата его собственные письма.

Он испытывал настоящую потребность хоть изредка слышать голос отца. У него в квартире телефона не было, и он звонил в Прагу с Главпочтамта. Ждать приходилось часами, а поговорить с отцом удалось всего два раза – недолго, минут по пятнадцать. Йозеф и Эдуард словно бы оказались по разные стороны тюремных ворот, и обоим приходилось ждать, когда они хоть на мгновение приоткроются. Разговор по телефону дарил отцу и сыну невероятное счастье, снимая тяжесть с души, обоим казалось, что вечером они встретятся.

– Мадам Маршова кланяется тебе и спрашивает, въедешь ты когда-нибудь в квартиру в нашем доме, или она может ее сдать?

⁶¹ Брод, Макс (1884–1968) – чешский писатель, философ, публицист и журналист пражской школы. Друг, биограф и издатель Ф. Кафки.

– Я пока не собираюсь возвращаться в Прагу, папа, у меня здесь интересная работа.

Йозеф расспрашивал отца о жизни, и Эдуард всегда его успокаивал: никаких проблем нет, немцев интересуют только заводы и фабрики, полковник, очаровательный человек, порекомендовал ему почитать Ницше и даже дал свою настольную книгу «Человеческое, слишком человеческое»⁶². Они часто подолгу беседуют. Эдуард, как и все врачи, плохо разбирался в философии и никак не мог постичь, что *это за тревожное, волнующее понятие* – «химия чувств». Герхард (так звали полковника) объяснил, что он должен сублимировать свой инстинкт и покончить с метафизикой. Когда отец свернул разговор под тем предлогом, что ему нужно вернуться к чтению, Йозеф понял, что этот самый Герхард сидит напротив Эдуарда.

Чаще всего ожидание затягивалось до бесконечности. Сначала Йозеф брал с собой «Краткий курс энтомологии» и читал, сидя на лавке, или беседовал с товарищами по несчастью о непознаваемой тайне телефонной связи.

Других тем для разговора у посетителей почтамта не было.

Скорее всего, время ожидания никак не зависело от политических или военных обстоятельств, но полной уверенности в этом не было. Не один раз в моменты дипломатических кризисов и других угроз людей спокойно соединяли с Антверпеном, Севильей, Флоренцией или Гамбургом, а в минуты затишья связь отрубалась, и никто не знал почему.

Все «телефонные страдалыцы» вскоре перезнакомились, но называли друг друга не по именам или фамилиям, а говорили просто «Франция» или «Бельгия». Когда Йозеф входил в зал, какой-нибудь итальянец или испанец (их на почтамте было больше всего) информировал его о положении дел: Голландия недоступна, как и Польша, немца маринуют с самого утра, а вот венгру повезло – Будапешт дали почти сразу. Кое-кто полагал, что дело не обходится без секретных служб (голословное утверждение!) и цензуры (одному Богу известно, какой именно), что виноваты погода на континенте (у них снег, а мы еще купаемся), алжирские телефонные сети (времен Первой мировой), армия, реквизирующая линии, бардак, устроенный Народным фронтом, троцкисты или английское правительство.

Они смотрели на огромные, висящие в глубине зала часы, и кто-нибудь то и дело спрашивал с тоской в голосе:

– Вам не кажется, что они спешат?

Невыносимой была не только тишина, но и ощущение полной беспомощности, и липкий страх, разъедающий душу за тысячи километров от дома. Главпочтамт закрывался в семь, и ожидание чаще всего оказывалось тщетным. Они выходили, прощались до встречи на следующий день, желали друг другу терпения и расходились в разные стороны.

Йозеф, отрывавший драгоценное время от работы, приходил на переговорный пункт раз в неделю, да и то если удавалось незаметно улизнуть после обеда. Он говорил себе: «Отчаянию нет места, отчаяться – значит оставить свой пост, стать предателем».

Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Люди не меняются.

Йозеф вернулся к привычному – парижскому образу жизни, и «помогла» ему в этом Нелли. Она смеялась по любому поводу – и Йозефу это нравилось, – говорила, что испила свою чашу несчастий до дна, и отказывалась о них вспоминать, клялась, что выбросила все из головы навсегда.

В число достоинств Нелли входил и дар убеждения. Она обожала доказывать окружающим собственную правоту, терпеть не могла, когда ей возражали, никогда не отступалась, спорила до хрипоты и так изматывала собеседника, что тот, истощив все аргументы, капитулировал. При этом Нелли не доверяла тем, кто слишком быстро сдавался.

⁶² Эта работа 1878 г. имеет подзаголовок «Книга для свободных умов». (Прим. ред.)

– Ты поддаешься, так не пойдет!

Нелли была уверена, что любовные невзгоды подобны новым кожаным туфлям: сначала жмут, модель не та, кажется, еще чуть-чуть – и сдохну (хотя никто пока не умер от боли в ногах!). В любви все точно так же: раньше или позже, вдоволь настрадавшись, задвигаешь горькие воспоминания в угол и забываешь о них.

Всесторонне изучив проблему, Нелли пришла к выводу, что отчаяние неотделимо от одиночества, следовательно, следует избегать унылых людей и никогда не оставаться одной, для чего и нужны друзья – «лекарство от хандры».

Нелли часто замечала у Йозефа отсутствующий взгляд, спрашивала: «О чем ты думаешь?» – он рассеянно отвечал: «Ни о чем...» – и тогда она произносила шутливым тоном:

– Ау, дорогой, вернись ко мне из своей Праги.

Если и это не действовало, она не отставала:

– Ты должен общаться со своей бедой, задавать ей вопросы, заставить отвязаться. Говори с ней. Торгуйся. Пугай: если она решит, что ты хочешь с ней расстаться, пойдет на сделку.

Услышав эти речи впервые, Йозеф подумал, что нарвался на милую, слегка чокнутую фантазерку. Он таких уже встречал и предпочитал отделяться улыбкой, шуткой, пустой фразочкой типа: «Ну да, ну да, моя сладкая толстушка...»

А потом как-то раз, поздно ночью, когда Нелли похрапывала, положив голову ему на плечо, Йозеф заговорил с отцом, глядевшим на него из темноты и тоже мучившимся бессонницей. Они поболтали о банальных вещах, обсудили погоду и снабжение продовольствием, Эдуард проявил живейший интерес к работе сына, признался, что гордится им, и посоветовал не слишком «высовываться». Они договорились, что будут встречаться вот так, время от времени, и решили массу проблем.

Конечно, не все.

Йозеф не знал, видел он отца наяву или во сне, было их волшебное общение телепатическим контактом или игрой подсознания, но помнил все в мельчайших деталях, и это приводило его в смятение. Однажды отец рассказал, что полковник, обожавший Иоганна Себастьяна Баха, подарил ему запись «Гольдберг-вариаций»⁶³ в исполнении Ванды Ландовской, признался, что никогда не слышал ничего прекрасней, и они слушали их вместе, потрясенные, со слезами на глазах.

Нелли придумала теорию сродни архимедовой, применимую к горю и печали и всегда поднимавшую настроение и ей самой, и окружающим. Она задавала вопросы, на которые можно было отвечать только утвердительно.

– Твой отец тебя действительно любит? Он в первую очередь думает о твоём счастье? Он послал тебя в Париж, чтобы ты стал великим врачом? Он убеждал тебя поехать в Алжир? Тебе никогда не приходило в голову, что он отослал тебя ради твоего же блага? Он мечтает о том, чтобы ты был счастлив? Да, да и да, так в чем проблема?

По теории Нелли, чем глубже отчаяние человека, тем больше вопросов нужно задавать, и, если подходить к делу с умом, оно в конце концов отступит. Больше всего в этом торге со страданием Йозефа удивлял импровизаторский талант Нелли: у нее не было ни какой-то специальной методики, ни точного расчета.

Подруга Йозефа была убеждена: будущего нет, его придумали церковники, чтобы сломить волю человека, держать его на коротком поводке. Не зная, сколько времени кому из нас осталось, мы делаем что хотим и когда хотим и ничего не откладываем на потом. Задум-

⁶³ «Гольдберг-вариации» (1741) – одно из легендарных произведений И. С. Баха (1685–1750). Согласно версии его раннего биографа Иоганна Форкеля, вариации были написаны по заказу страдавшего от бессонницы российского посланника в Саксонии Германа Карла фон Кейзерлинга, покровительствовавшего Баху, для исполнения их (в качестве лечебного средства) личным музыкантом заказчика Иоганном Готлибом Гольдбергом – юным виртуозом и учеником самого композитора.

маешься, засомневаешься – и все пропало. Нелли изгнала будущее время из употребления и никого не обременяла разговорами о гипотетических бедах.

Она никогда не говорила о своем прошлом и вела себя так, будто только что появилась на свет или страдает амнезией. Никто понятия не имел, где она родилась и росла, у нее не было воспоминаний. Она существовала здесь и сейчас, проживала каждый день с утра до вечера и спрашивала лишь о том, где они будут сегодня ужинать.

– Я мучаю тебя разговорами об отце, но ничего не знаю о твоей семье, – сказал ей однажды Йозеф.

– Мы вместе, и для нас не существует никого, кроме нас.

Нелли скрывала свое прошлое, бежала от будущего, а все остальные темы обсуждала с азартом, была всегда жизнерадостна и склонна к авантурным эскападам и эпатажу. Впервые они с Йозефом схлестнулись из-за Атлантиды. Нелли свято верила в ее существование, убежденный картезианец Йозеф рискнул высказать сомнение.

– Спорим? – с вызовом бросила она.

– Что ставишь?

– Ночь любви.

Нелли обожала держать пари – и проигрывать, Йозеф тоже, но, когда она заявила, что не верит в случай, что все предрешиено судьбой, а значит, нечего трепать себе нервы по пустякам, он не стал ее разубеждать. Нелли считала совершенно естественным, что две лучшие подруги влюбились в двух закадычных друзей – Йозефа и Мориса.

Это было predetermined.

– Совпадений не существует.

Нелли и Кристина жили вместе в прекрасной квартире с видом на Адмиралтейство (на двоих выходило недорого), в десяти минутах от Йозефа и Мориса.

С самого начала их знакомства Нелли часто оставалась ночевать у Йозефа. После Вивиан он ни с кем вместе не жил, а Нелли о ее привычках расспрашивать не стал. Их страсть была свободной, жгучей и неконтролируемой, но свиданий они никогда не назначали, чтобы не связывать себя.

– Увидимся...

Йозеф заходил за Нелли в театр, они часто ужинали вдвоем в ресторане на берегу моря и возвращались домой пешком, держась за руки, а если у него было слишком много работы, она прибегала к нему домой ближе к полуночи, четыре раза стучала в дверь (после первого пауза была чуть длиннее) и никогда не зажигала свет на площадке. Они находили друг друга в темноте на ощупь, притягивались, как два магнита, дрожа от нетерпения, и занимались любовью. Потом Йозеф долго лежал без сна, зажигал ночник и любовался обнаженным телом Нелли, растянувшейся на сбившихся горячих простынях.

По утрам он собирался и уходил очень тихо, чтобы не разбудить ее, она вставала около полудня, съедала приготовленный им завтрак и убегала, захлопнув дверь. Ключа от квартиры Йозефа у Нелли не было, она не собиралась к нему переселяться, чтобы не пришлось вносить поправки в «теорию о завтрашнем дне», а может, просто не хотела терять независимость.

Иногда Йозеф так увлекался своим микроскопом и пробирками, что забывал отпереть дверь, и Нелли не могла войти, но никогда не обижалась.

Бывали ночи, когда Йозеф гасил свет и ждал стука в дверь, но Нелли не появлялась, и он ни о чем не спрашивал, утешая себя мыслью о том, что «завтра тоже будет ночь».

По воскресеньям и понедельникам в театре не было спектаклей, и девушки приглашали Мориса и Йозефа на ужин. Они приносили две бутылки вина – розовую маскару либо красное тлемсенское (Кристина не любила смешивать, чтобы не болела голова).

Они не слишком утруждали себя готовкой. Кристина никогда не занималась хозяйством и очень этим гордилась. Она обожала дразнить Мориса и часто с вызовом заявляла, что мужчины годны лишь на то, чтобы открывать шампанское и консервные банки, клеить обои и таскать чемоданы. Кое в чем без них не обойтись – с природой не поспоришь, – но это не значит, что она должна возиться с кастрюлями, тряпками и веником.

Нелли, к счастью, были чужды идеалы феминизма, она с удовольствием готовила коку⁶⁴ с перцами, салат из тунца в оливковом масле с помидорами, варила яйца, раскладывала на блюде огурчики и лиловые артишоки, натирала горы моркови и сбрызгивала ее лимонным соком. Морковь – идеальное средство для улучшения цвета лица! Иногда, под настроение, она даже томила морковь с тмином, получалось восхитительно вкусно.

Дважды Нелли угощала друзей омлетом со своей любимой острой субресадой⁶⁵, и оба раза Морис ужасно мучился желудком, так что «мамаша Ландрю»⁶⁶ больше это блюдо не подавала.

Нелли не терпела насмешек над своими кулинарными талантами. Она считала, что изумительно готовит ризотто с морепродуктами, и Мате подтверждал, что никогда не ел ничего вкуснее. Когда Йозеф уговорил Нелли приготовить этот «деликатес», Кристина воспротивилась, заявив, что в ее доме женщина никогда не будет обслуживать мужчину, и им пришлось довольствоваться арахисом и оливками. После этого случая Морис и Йозеф всегда приносили с собой жареного цыпленка, купленного в лавочке на площади Нельсона. Девушки предпочитали ужинать в ресторане – деньги те же, а возни никакой, но часто ленились выходить из дому.

Однажды вечером, поедая третью морковку, Кристина произнесла тост за здоровье Нелли:

– Между прочим, с днем рождения!

Морис и Йозеф удивились, что их не предупредили: они могли бы заказать торт павлине в кондитерской на авеню де ла Марн и купить подарок, как принято у нормальных людей.

Оказалось, что Нелли терпеть не может официальных дат, считает, что каждый день должен быть праздником, и больше всего ненавидит собственный день рождения.

Морис и Йозеф дружно на нее насели, и она соизволила признаться, что ей исполнилось двадцать четыре, а во рту не хватает одного зуба.

– А тебе, кстати, сколько? – поинтересовалась она у Йозефа.

Он заметил, как насупился Морис, и дал уклончивый ответ:

– Чуть больше, чем тебе. А это важно?

– Лично для меня – нет.

– Я с тобой согласен, – вступил в разговор Морис. – Дни рождения наводят на меня тоску.

– Зануды! – воскликнула Кристина. – Задувать свечи – чудесный обычай!

– Извини, что говорю это, но современной женщине – к коим ты себя причисляешь, – не пристало любить старомодные обычаи.

Кристина встала, взяла свою курточку, сумку и вышла, хлопнув дверью. Морис растерялся, подумал – ладно, одумается и вернется, спросил: «Что я такого сказал? Чем ее обидел?» – вскочил и кинулся следом, крича: «Подожди меня, Кики!»

⁶⁴ Кока – испанское слово, так называют блюда, похожие на пиццу. Они есть в каждой стране, меняются только тесто, ингредиенты и размер.

⁶⁵ Субресада – традиционная колбаса родом с Майорки, для приготовления которой берутся свинина и свиной жир в равных долях.

⁶⁶ Ландрю, Анри Дезире – преступник, убивший десять женщин и маленького мальчика. Казнен на гильотине в 1922 г.

Больше всего на свете Нелли любила сплетничать о людях, которых Йозеф либо не знал вовсе, либо встречал пару раз. Она с невероятной легкостью и апломбом «соединяла» людей и «под большим секретом» описывала их ссоры, разрывы, мимолетные увлечения и мелкие страстишки. По ее словам, одна половина города спала с другой, все заводили романы со всеми, рвали отношения, мирились и снова расходились. Она описывала потрясающую круговерть приключений, исчезновений, воссоединений среди «черноногих»⁶⁷, рядом с которыми Монтекки и Капулетти выглядели жалкими хвастунишками, а маркиз де Сад – мальчиком из хора. Нелли выдавала чужие тайны вековой давности, рассказывала пикантные истории о девственницах, обустроенных в последнюю минуту бракосочетаниях, о родах, принятых в глухой провинции, и загадочных африканских обрядах, намекала, что ей известно и кое-что похуже, о чем она поклялась молчать.

Нелли была неистощимым источником пикантных новостей.

Она обменивалась информацией с несколькими близкими подругами, составлявшими грозную по действенности силу. Нелли каждый день вводила Йозефа в курс алжирской жизни, традиционно начиная фразой: «Так на чем я остановилась?»

Благодаря этим наставлениям в режиме нон-стоп Йозеф заочно перезнакомился с кучей людей, и, когда Нелли представляла их ему у Падовани, они принимали его улыбку за природную милоту. Им и в голову не могло прийти, что этот симпатичный чужак знает о них больше родной матери. Монологи Нелли слегка утомляли Йозефа, но сам он мог говорить только о своих исследованиях, а на нее наука навевала скуку. Он много раз порывался остановить излияния Нелли, сказать, что все эти мерзости его не интересуют, но не решался – уж слишком азартно сверкали ее зеленые глаза.

О себе Нелли говорила мало. Если Йозеф задавал вопросы о работе, она никогда не рассуждала о театре, Чехове, Брехте или каком-нибудь другом драматурге, но только и исключительно о Мате – точности его художнического восприятия, его человечности, энтузиазме, высокой культуре, энергии, простоте, чувстве юмора и пылкости. Однажды Йозеф спросил, не было ли у них с Мате романа, и Нелли ответила, скорчив забавную рожицу:

– Нет, нет и еще раз нет! Мате потрясающий человек! Абсолютно честный. Он очень тебя любит.

– А с Кристиной у него какие отношения?

– Мужчины задают слишком много вопросов.

Нелли сообщила Йозефу, что Морис все-таки догнал Кристину на улице, она слегка покоевряжилась, он раз сто извинился и вымолил прощение. Ни Йозеф, ни Нелли не помнили, какое прегрешение совершил Морис, но это их мало волновало.

– Ты друг Мориса, вот и объясни ему, в чем он был не прав, Кристина этого делать не станет.

Дважды в месяц шеф Мориса отправлял его по делам в Оран или Константину, поездки были не слишком увлекательными, но полезными.

В его отсутствие они проводили вечера вдвоем, и Йозеф становился центром внимания. Обычно никто (совсем никто!) не расспрашивал его о работе, а если он вдруг сам о чем-нибудь упоминал, они в ответ кивали, восхищенно бросали: «Ну надо же!» – поздравляли его с успехом, подбадривали.

Поначалу Йозефа задевало такое отношение Нелли, но Кристина вела себя иначе: она задавала вопросы, требовала объяснений и уточнений насчет всех тех ужасных болезней,

⁶⁷ «Черноногие» франкоалжирцы – «пье-нуар» (в отличие от аборигенов они носили кожаную обувь) – алжирцы европейского (французского, испанского, иногда еврейского) происхождения, составлявшие значительную часть населения Алжира в период французской колониальной экспансии 1830–1962 гг.

с которыми боролся доктор Каплан. Она хотела, чтобы он описывал симптомы и течение болезни, и не изображала кисейную барышню, услышав «неаппетитные» детали.

А Нелли только возмущалась:

– Прекратите обсуждать эти ужасы! Хотя бы за столом...

Кристина была не их тех, кто подчиняется чужим желаниям. Никто (и уж тем более Нелли) не мог сбить ее с мысли, и она продолжала расспросы с въедливой дотошностью летописца:

– Так как же вам удалось выявить роль собачьего клеща в передаче кожного лейшманиоза?

* * *

Встреча Нового, 1939 года вышла особенной. Нелли будущее страшило, Йозеф возлагал на него особые надежды.

Он твердо решил, что 39-й станет годом великих свершений, лучшим в его жизни. Никто не помнил, откуда взялась эта идея, она просто распространилась в воздухе, как дурманящий аромат конца мира. Все почувствовали, что песочные часы перевернулись и скоро произойдет взрыв, всем хотелось веселиться – вместе, здесь и сейчас, чтобы потом говорить: «Мы хотя бы были счастливы!»

Само собой разумелось, что ужинать они будут у Падовани. Места в ресторане могли достаться только постоянным клиентам, но и их оказалось слишком много – куда же без родственников и друзей друзей! – и Падовани отказывал каждому четвертому. Его жена сорвала голос, объясняя, что в зале двести шестьдесят мест и, даже если сдвинуть столы, сесть смогут всего триста десять человек.

Народу все равно пришло больше, и Падовани пришлось пожертвовать танцполом: на улице было слишком холодно, чтобы накрывать на террасе. Столы стояли так тесно, что официанткам приходилось проявлять чудеса ловкости, тарелки с едой передавали по рукам, а заказы повисали в воздухе. Из бара исчезло множество бутылок – иначе половина гостей так и не выпила бы за Новый год. Супруги Падовани поскадалили: она кричала, что это его вина, он орал еще громче, пытаясь объяснить, что обстоятельства бывают сильнее человека.

Оркестр тихонько наигрывал мелодии – их все равно никто не слышал.

Мате и его новая подружка, Кристина и все актеры труппы занимали свой обычный стол у окна, Йозеф сидел напротив режиссера и, надсаживая горло, пытался отвечать на вопросы о Кафке. Мате знал, что Йозеф не относится к поклонникам автора «Процесса», но захотел вернуться к спору об интерпретации романа. Мате считал «Процесс» ярким манифестом абсурдизма, Йозеф не соглашался: что интересного в иррациональном сюжете?

– Когда Йозефа К. арестовывают, он остается свободным человеком. На допросе его не обвиняют, он не защищается, а критикует систему. Процесс идет в квартире некоего судебного служащего, где его жена предается любви со студентом. Все это лишено смысла, подобные повороты сюжета лишают текст силы повседневности. Иррациональной и непознаваемой должна быть именно реальность.

– Но ведь в фашистских странах все так и происходит, – возразил Мате.

– Нельзя считать тексты Кафки метафорическими. Он пребывает в небытии, в оторванном от действительности мире, а фашисты отрицают права человека.

– Хватит, надоело! Может, хоть в новогоднюю ночь поговорим о чем-нибудь повеселее? – капризно протянула Нелли.

Йозеф не без труда отодвинул стул, влез на стол, схватил Нелли за руку и втащил ее следом. Он лавировал между тарелками, не обращая внимания на возмущенные возгласы, опрокинул несколько бокалов, извинился и попросил одного из актеров открыть окно. В

зал ворвался порыв ледяного ветра. Йозеф вскочил на подоконник, помог влезть Нелли, и они прыгнули на пустую террасу, смешно размахивая руками. Наступила тишина, оркестр, как по команде невидимого дирижера, заиграл громче, изумленные посетители прилипли к окнам, а Йозеф закружил Нелли в танце под мелодию «Когда прогуливаешься у края воды»⁶⁸. Атласно-черная морская гладь сливалась с темным бархатом неба, скрывшего от людей звезды и луну. Нелли не попадала в ритм, сбивалась с шага, и Йозеф шепнул:

– Закрой глаза.

Она послушалась, позволила ему вести, они кружились, кружились, и это было почти счастье. Дюжина пар, накинув пальто, присоединилась к ним на импровизированной танц-площадке, Морис тянул за руку упирающуюся Кристину, она не хотела идти, он настаивал:

– Ну же, давай, это важно.

Они стояли лицом к лицу в кругу танцующих, а потом Морис вдруг упал на колени, раскинул руки и произнес торжественным тоном:

– Дорогая Кристина, я имею честь просить твоей руки.

Она не сразу поняла смысл сказанного, потом губы у нее задрожали, Морис нервным жестом вытащил из кармана красную коробочку, открыл ее и протянул Кристине:

– Это тебе, любимая. Бриллиант в честь помолвки.

– Ты рехнулся!

Она отшвырнула коробочку тыльной стороной ладони, кольцо вылетело, сделало мертвую петлю и приземлилось среди леса ног оторопевших зрителей. Кристина вернулась в зал. Морис хотел было догнать ее, но передумал, сгруппировался, как регбист-полузащитник, и кинулся на поиски отвергнутого сокровища. На его счастье, среди присутствующих нашлась честная алжирская девица, она подняла кольцо, протянула его на ладони Морису, а когда тот хотел забрать его, сжала кулачок и шепнула проникновенным тоном:

– Я выйду за вас хоть сейчас...

«Еще одна умалишотка!» – подумал Морис, отогнул девичьи пальчики, взял кольцо и стал проталкиваться в ресторан, крича: «Кристина! Кристина!»

Она исчезла в толпе, Морис зашатался, как нокаутированный боксер, и вдруг заплакал, не стыдясь слез. Он вернулся за стол и начал пить, бокал за бокалом, не переставая всхлипывать. Мате дал ему закурить, обнял за плечи и принялся утешать:

– Кристина потрясающая девка. Не обижайся на нее.

К счастью, Морис сделал свое неожиданное предложение до боя часов. Суеверный Алжир считал несчастливым год 1938-й, у 1939-го были все шансы оказаться другим. Начался оглушительный обратный отсчет, слово «ноль» было встречено восторженными криками «ура!».

На взгляд Йозефа, в этих возгласах было нечто истерическое (вполне, впрочем, привычное для этой жаркой страны).

За столом Мате царило совсем другое настроение, никто не обнимался и не целовался.

– Год будет поганый, – сказал, как припечатал, Мате. – Лучше бы она приняла предложение.

Мужчины сочли поступок Мориса идиотским. Разве можно так рисковать?! Нужно было делать предложение наедине. Мы хитрее этого парижанина (ничего не покупаем без согласия родителей). А вот в глазах женской половины общества акции Мориса резко взлетели. Оказывается, за внешностью предприимчивого дельца скрывался романтик. В наши дни романтиков почти не осталось. Тридцать свидетелей этой сцены и еще несколько тысяч, которым ее пересказали, не один день задавались вопросом: «Кристина отказала Морису

⁶⁸ Песня в исполнении Ж. Габена из фильма «Славная компания» Ж. Дювивье (1936).

потому, что не любит его, или потому, что любит другого?» большинство склонялось к последней гипотезе. Кристина не так глупа, чтобы ломаться «из принципа», значит есть другой мужчина.

Иного не дано.

По общему мнению, этим «другим» мог быть только Мате. Нелли и другие актрисы закатывали глаза и клялись всеми святыми, что это коллективное заблуждение, но никто им не верил.

В ханжеском Алжире брак был понятием экстатическим, и немногие отважные кумушки, осмелившиеся задать вопрос самой Кристине, пришли в ужас от ее ответа. Оказалось, она ненавидит торжественные обеты, а слова «в горе и в радости» вообще действуют на нее как красная тряпка на быка.

– Вас разлучит не смерть, – пообещала она самой настойчивой из надоед. – Он сбежит от твоей глупости. Я никогда не выйду замуж! Пора положить конец порабощению женщин!

– А если забеременеешь? – не отставала собеседница.

– У меня никогда не будет детей! Нас бьют, чтобы лишить остатков самостоятельности. Я не какая-то там горничная – хочет малыша, пусть сам его и «высидит»!

Даже если бы Кристина плюнула на распятие, она и тогда нажила бы меньше врагов. Никто не ведет бесед с разъяренным быком. Матадор уворачивается или убивает его. Все осуждали Кристину и жалели беднягу Мориса – он вытащил несчастливую карту.

Неразрешимые жизненные проблемы можно разложить по двум сундукам. Некоторые задвигаешь в темный угол, забываешь о них, и они перестают беспокоить (как зажившие нарывы), другие застревают в вас, как рыболовные крючки, и вы, сами того не замечая, истекаете кровью и привыкаете жить со страданием.

Утром первого января – было дождливое воскресенье – Йозеф позвонил в дверь квартиры Мориса, тот не отозвался, Йозеф позвонил еще раз – они должны были ужинать с Нелли и Кристиной. Дверь распахнулась: на пороге стоял Морис в полосатой пижаме. Выглядел он как человек, не спавший всю ночь. Йозеф с трудом уговорил приятеля одеться. Морис заявлял, что не голоден, что хочет остаться один, что ненавидит 1 января. Они опоздали, потому что искали розовые гладиолусы, – женщины обожают нелепые цветы!

Нелли и Кристина пришли в восторг, заохали, достаточно большой вазы у них не нашлось, и букет оставили в раковине. В духовке жарилась курица. День обещал быть счастливым. Девушки подали аперитив с оливками, миндалем и канапе с сыром. Они пожелали друг другу здоровья, чокнулись и выпили – все, кроме Мориса. Он встал и поднял бокал, давая понять, что хочет произнести тост.

– Кристина, любимая, прости за вчерашний вечер. Бог с ней, с женитьбой, формальностями и прочей ерундой. Мы обойдемся без них. Если хочешь жить вместе, нужно уважать друг друга, так?

Морис выпил залпом. За столом было так тихо, что остальные услышали, как он причмокнул, облизнул сладкие губы.

– К чему ты ведешь? – спросила Кристина.

– Я подумал, что ты могла бы переехать ко мне. Места хватит.

– Останемся независимыми. Мы можем быть вместе, живя отдельно друг от друга, и видеться, когда захотим. Я против каждодневной рутины, не хочу спрашивать: «Ну, как прошел день?» – и слышать в ответ: «Как обычно». Тебе не кажется, что так будет лучше для нас обоих?

Морис сел и больше не промолвил ни слова, даже не похвалил курицу. А девушки в кои веки постарались...

– Потрясающе вкусно! – решил подольститься Йозеф. – Правда, Морис?

– Угу...

Ни Морис, ни Кристина больше никогда не вспоминали о неудавшемся предложении. Жизнь продолжалась, но в сердце Мориса осталась заноза.

Сержан терпеть не мог, когда его телефонным звонком вызывали к генерал-губернатору. Ничего хорошего это не сулило. В одном из городов на равнине Митиджа люди мерли как мухи, дети слепли от укусов насекомых, странная, пришедшая с гор эпидемия губила скот, виноградники загнивали по непонятным причинам, неизвестный науке червь внедрялся под кожу, и еще сотни других ужасных бедствий поражали этот край. Генерал-губернатору оставалось одно – звать на помощь Сержана. Он не мог выделить дополнительных ассигнований, выбить новые ставки – о да, я обращаюсь к Парижу, но в сложившейся ситуации, сами понимаете... Сержан раздраженно шипел: он уже в прошлый раз клялся, что делает это в последний раз, что его врачи перегружены работой и не могут прерывать свои исследования.

– Мне очень жаль, господин губернатор, но я вынужден отказаться.

– Подумайте о Франции, Сержан, о нашей цивилизаторской миссии. Снабжение армии продовольствием под угрозой. Вы мобилизованы!

– В последний раз.

Когда мадам Арман распахивала двери лабораторий и произносила сакраментальное: «Совещание через четверть часа!» – самые предусмотрительные являлись с кипой отчетов о проделанной работе и ходе опытов, надеясь защититься этим «зонтиком» от ливня. Старожилы заявляли, что жены потребуют развода, если они будут работать еще больше за ту же зарплату (в этом году ее еще не повышали), что им не хватает денег даже на то, чтобы отоваривать продуктовые карточки. Врачи заключили молчаливый договор и были твердо намерены не идти ни на какие уступки: все понимали, что поставлено на карту, но не хотели оказаться на грани нервного срыва.

Йозеф, не имевший опыта обороны, твердил одно:

– У меня гора работы. Вы сами сказали, что это очень срочно.

– Нужно быть организованной. У нас в институте, молодой человек, в сутках двадцать четыре часа, а в неделе – семь дней.

Задание властей следовало выполнить без промедления. Скотовод из деревни Сент-Арно, в окрестностях Сетифа, что в трехстах километрах к востоку от Алжира, сообщил, что его коровы поражены пироплазмозом. Болезнь передается клещом, обычные лекарства не помогают. Фермер Фажес числился военным поставщиком, так что деваться было некуда.

– Если поторопитесь, успеете на ночной поезд, завтра утром соберете клещей, возьмете пункции у коров и вечером вернетесь. Вам повезло – летом там невыносимо жарко.

В течение шести месяцев, один-два раза в неделю, Йозеф ездил в Сетиф, спал вполглаза в шумном вагоне и ни разу не посетил ни супрефектуру, ни римские развалины.

В первый раз его встречала делегация из тридцати человек во главе с супрефектом и командующим гарнизоном. Пришли кюре, мэр, именитые граждане и фермеры, чей скот погибал от загадочной болезни. Ветеринар обращался к Йозефу как к реинкарнации Пастера, перед ним расшаркивались, поднесли в дар коробку свежих фиников. Фажеса, крупнейшего фермера в округе, не волновало, что он может лишиться рынка армейских поставок и даже разориться, он был смертельно напуган жестоким падежом скота.

Йозеф отправился вместе с ним в стойло, осторожно вычесал шкуры животных, собрал пинцетом клещей, опустил их в пузырьки с бумажной стружкой, заткнул ватой, чтобы насекомые не задохнулись во время транспортировки, потом взял пробы крови у всех коров и быков, отказался от ужина и ночлега, вернулся ночным поездом в Алжир, начал делать ана-

лизы и поразился, выяснив, что многие животные заражены пятью разными видами клещей, а некоторые и вовсе сотнями.

Сержан только что не рыдал, разглядывая подготовленные Йозефом стекла под микроскопом.

– Это ужасно, – шептал он, – просто ужасно! Слава богу, заражено всего десять процентов поголовья. Для начала нужно изолировать здоровых особей. Обычно пик заражения приходится на апрель, весь год активны только два вида клещей, притом не самые опасные.

Посевы культур показали, что увеличенная доза концентрированного хинина эффективна против акариаз⁶⁹, и Йозефу удалось найти точную дозировку. Эпидемия сократила поголовье на треть. Было решено провести превентивную вакцинацию, несмотря на довольно высокую стоимость процедуры. За прививки отвечал Йозеф. Он составил календарь противоклещевой обработки и трудился без сна и отдыха, подтверждая правоту старинной поговорки, гласящей, что исследователю нужней всего чугунная задница.

Сержан, живший с семьей на последнем этаже институтского здания, предоставил в распоряжение Йозефа свою ванную, жена профессора варила ему крепкий кофе и кормила домашним печеньем. Обнаружив Йозефа спящим в лаборатории, мадам Сержан начинала стыдить мужа: каждый руководитель – даже самый выдающийся – должен заботиться о своих служащих, кроме того, закон о сорокачасовой рабочей неделе распространяется и на молодых врачей института (эта часть отповеди сильнее всего раздражала директора). Мадам Сержан отсылала Йозефа домой отдыхать, напоминая, что Господь запрещает работать по воскресеньям. Она настоятельно советовала ему не тратить выходной на работу: «Вот доживете до возраста моего мужа, тогда и станете торчать в лаборатории семь дней в неделю!»

Йозеф преуспел, но больше всего его радовал не научный успех, а то, что его наконец-то приняли в команду. Коллеги спрашивали, как идут дела, интересовались его мнением о своих исследованиях, приглашали на воскресный обед. Пообщавшись с девушками из «хороших» алжирских семей (они оказались такими же скучными, как пражские девицы), Йозеф стал отказываться от приглашений под предлогом невероятной загруженности.

* * *

Возможно, белое солнце этой волшебной страны размягчало мозги ее обитателей или по-весеннему теплая зима расслабляла их волю, но алжирцы свято верили, что войны не будет. Они исходили из простого арифметического подсчета. Последняя война унесла жизни девяти миллионов человек, восемь миллионов стали калеками, Германия потеряла убитыми четыре миллиона и не могла об этом забыть. Ну не сошли же они, в самом деле, с ума, чтобы снова полезть на рожон? Устрашение? Да. Блеф? Почему бы и нет? Каждый двигает собственные фигуры, пытается добиться преимуществ, сильные подставляют слабых... такова жизнь, в последний момент все остановятся.

Йозефа успокаивали, советовали читать не паникерскую парижскую прессу (тиражи! тиражи!), а алжирские газеты, внушающие народу веру в то, что правительство не допустит катастрофы. Коллеги Йозефа считали, что после победы Франко порядок будет восстановлен. Опросы показывали, что большинство населения одобряет мюнхенские договоренности. Агрессивность Гитлера пугала людей, армия нуждалась в реформировании, но старики, помнившие четырехлетний ужас Первой войны, осуждали гонку вооружений.

Кристина была самой убежденной из всех пацифистов, которых Йозеф встречал в жизни. Нелли под большим секретом рассказала ему, что Кристина росла как «ребенок

⁶⁹ *Акариазы* – болезни человека, животных и растений, вызываемые клещами.

Нации»⁷⁰. Нелли узнала об этом не от подруги, а от Мате, чей отец тоже погиб в 1914-м в битве на Марне⁷¹. Кристина уже семь или восемь лет была активисткой феминистского движения. «Женщин, француженок и арабок, притесняют и угнетают, к ним относятся как к телкам на заклание. Мы дерем глотки, отстаивая свои права, но это глас вопиющего в пустыне. Скорее кошка признает права мыши, чем мужчины начнут относиться к женщинам как к равным!»

Феминисток в Алжире было раз-два и обчелся, и они больше времени проводили в спорах друг с другом, чем в борьбе за права женщин. Сражение и жречество. Кристина не отчаивалась, подписывала манифесты, организовывала встречи, собирала ассамблеи и комитеты, терроризировала местную прессу, требуя публиковать сообщения о дебатах на тему предоставления женщинам равных прав с мужчинами, в том числе права избирать и быть избранными, запрещения браков по принуждению, борьбы с домашним насилием, свободной продажи контрацептивов и легализации аборт. Главным врагом Кристины была цензура: две центральные газеты «Ла Депеш Альжерьен» и «Л'Эко д'Альже» ничего не публиковали, заявляя, что подобная информация не интересует читателей. «Ла Депеш Альжерьен», газета правого толка, игнорировала Кристину и всех феминисток, вместе взятых, «Л'Эко д'Альже», радикал-социалистская, консервативная и колониалистская, открыто ее ненавидела, и только левая «Л'Альже Републикен» печатала коммюнике феминистских организаций, но тираж у нее был небольшой, и убеждать подписчиков не требовалось.

В 1933-м Кристине было всего двадцать три года. Она участвовала в создании Алжирского инициативного комитета в поддержку движения «Амстердам – Плейель»⁷². Это движение разоблачало империалистические военные угрозы, выступало за всеобщее разоружение, миллионы женщин и мужчин требовали мира от правительств своих стран. В Алжире сторонников движения насчитывалось не больше тысячи. Все они получили членские билеты и каждый год наклеивали в них марки с изображением Анри Барбюса, Ромена Роллана или Максима Горького. После прихода к власти правительства Народного фронта движение распалось – его погубили внутренние распри. Кристина не отчаялась, стала членом Всемирного объединения за мир, разочаровалась и присоединилась к Международной женской лиге за мир и свободу, чей манифест совершенно ее потряс.

Впервые в истории женщины выступали против войны, руководствуясь не политическими убеждениями, но именно как женщины: *«Мы обращаемся к женщинам, которые всегда будут защищать жизнь. Мы, матери, жены и сестры, заявляем, что не смиримся, как это случилось в 1914-м, с убийством наших сыновей, мужей и братьев»*.

В группе Кристины было всего семь участниц. Каждая выбирала городскую площадь или оживленный перекресток, раскладывала столик и призывала прохожих подписывать петиции в поддержку борьбы за мир. Они объясняли, спорили, убеждали, и им удавалось получать подписи у одиноких женщин и устное одобрение замужних, не желавших ничего подписывать без одобрения мужей. К ним примкнули многие мусульманки, в основном молодые, ходившие без чадры. С супружескими парами то и дело случались инциденты, мужчины нередко оскорбляли активисток, опрокидывали столики, рвали петиции. Феминистки пытались вступать в переговоры, но из этого ничего не выходило. Жены грубиянов

⁷⁰ Так называли детей, чьи отцы погибли на фронтах Первой мировой войны.

⁷¹ Крупное сражение на реке Марна 5–12 сентября между англо-французскими и германскими войсками во время Первой мировой войны 1914–1918 гг.

⁷² В 1932 г. по инициативе известных французских писателей А. Барбюса и Р. Роллана в Амстердаме состоялся Международный антивоенный конгресс. В 1933 г., вскоре после прихода Гитлера к власти, в Париже, в зале Плейель, открылся Европейский антифашистский конгресс. Позже антивоенное и антифашистское движения объединились в общее движение «Амстердам – Плейель».

начинали вопить, вмешивались прохожие, подоспевшие полицейские конфисковывали бесценные подписные листы. Пацифисты проигрывали.

Вскоре полиция изменила тактику – феминисткам стали выписывать штрафы за нарушение общественного порядка: первый, тридцать пять франков, еще можно было заплатить, последующие, в размере семидесяти франков, отбивали желание митинговать даже у самых яростных активисток, но не у Кристины.

– Нам пытаются заткнуть рот, но мы не сдадимся!

Все близкие друзья Кристины, клиенты Падовани, мате, члены труппы – одни по убеждению, другие из милосердия – собирали для нее деньги. Все, кроме Йозефа. Однажды, когда по кругу пустили шляпу, он взвесил ее на руке и передал соседу, ничего не опустив внутрь.

– Ты мог бы поучаствовать, вы ведь друзья.

– Если тебе нужны деньги, я готов дать в долг, но не стану финансировать нелепые идеи! Вы играете на руку Гитлеру.

Когда сбережения истощились, на общем собрании было решено изменить тактику и устраивать акции раз в неделю, по утрам в субботу, на площади Трех Циферблатов, у рынка Триоле, и брать с собой мускулистых парней для защиты от агрессивных сограждан. Они больше никого не агитировали, а собирались из принципа, желая доказать, что движение живо. Кристина чувствовала, что милитаристская идея мало-помалу завоевывает умы и сердца людей.

– Ну почему, скажите на милость, борцов за мир называют трусами, а тех, кто пропагандирует войну, считают храбрецами?

Морис перестал забирать Йозефа из института, после того как тот дважды отказался ехать, рассеянно пробормотав: «Не знаю, когда освобожусь». Выглядел он при этом как человек, которого праздный бездельник отвлекает от важной работы.

Вот почему Йозеф так удивился, когда январским вечером 1939 года Морис неожиданно объявился у него в лаборатории. Они не виделись с того самого новогоднего ужина, на котором Кристина отказалась переехать жить к любовнику.

Одежда Мориса была в беспорядке, губы у него дрожали, он что-то бессвязно приговаривал. «Этот болван повторил попытку, и она снова его послала», – подумал Йозеф.

– Идем со мной, это очень срочно!

– Не могу, у меня работы еще часа на два.

– Крестину арестовали!

Выяснилось, что их подруга и еще несколько активисток Международной женской лиги за мир и свободу решили провести акцию протеста против штрафов во время визита в страну Эдуара Даладь⁷³. Одни раздавали в толпе листовки, другие держали плакаты с антивоенными лозунгами. Их толкали и оплевывали. Кристине удалось прорваться через оцепление и остановить машину председателя Совета министров, чтобы передать ему петицию с требованием прекратить перевооружение армии. Она начала барабанить по ветровому стеклу, и ее оттащили агенты безопасности. Кто-то из друзей предупредил Мориса о задержании.

Они до вечера обходили полицейские участки, никто не хотел давать им информацию, приходилось по десять раз повторять одни и те же вопросы. В участке на бульваре Гальени бригадир отослал их в центральный комиссариат, там их встретили с подозрением, стали выяснять, кем они приходятся арестованной и не участвуют ли, не дай бог, в пацифистском

⁷³ Даладь, Эдуар (1884–1970) – французский политик и государственный деятель, председатель Совета министров, министр иностранных дел, министр национальной обороны и военный министр Франции в 1938–1940 гг., проводивший политику «умиротворения» Германии.

движении. Морис был в ярости. Ему пришлось предъявить удостоверение личности, теперь его занесут в картотеку как «сочувствующего». Он заявил, что не имеет ничего общего с «этими психопатками», но одна из них его подружка, они собираются пожениться, быть влюбленным – не преступление.

– Мы не обязаны быть единомышленниками. Я с ней не согласен!

Один из инспекторов, корсиканец, назвал Кристину фурией и рассказал, что справиться с ней смогли только четверо крепких полицейских. Глава правительства по-настоящему испугался, все вокруг решили, что это покушение.

Чтобы не привлекать ненужного внимания к случившемуся, Кристину обвинят только в оскорблении действием стражей порядка.

– Ваша знакомая предстанет перед судом, – заключил инспектор. – Иначе нельзя, она перешла все границы. Не волнуйтесь, ее скоро выпустят.

– Идиотка! – бесновался Морис. – Куда она лезет? Мало ей театра! Видишь, что бывает, когда бабы увлекаются политикой? Если Кристина не бросит эти глупости, я пошлю ее к черту! Она портит мне жизнь! Придется поговорить с ней по-свойски, уж я сумею, не сомневайся!

Ожидание продлилось много часов. Морису и Йозефу сообщили, что Кристину отправят в суд без промедления, и им едва хватило времени на то, чтобы съездить домой. Нелли места себе не находила от беспокойства: она ничего не знала об акции пацифисток, пришла к Морису, не застала его, отправилась к Йозефу, того тоже не оказалось, пришлось расспрашивать соседей, но и те не сильно ей помогли.

На следующее утро Кристина предстала перед судьей исправительного суда вместе с одиннадцатью мужчинами, задержанными на месте преступления (шестеро из них были арабами). Выглядела она устрашающе: волосы растрепаны, верхняя губа вздулась, белая блузка закапана кровью, разбитый нос зажат платком, ладони расцарапаны при падении на асфальт. В качестве поблажки ее дело решили рассмотреть первым. Обессиленные, бледные как смерть приятели сидели в третьем ряду и напоминали скорее подсудимых, чем досужих зевак. Какой-то пенсионер, видимо большой любитель подобных «развлечений», сообщил им, что у судьи «тяжелая рука». Кристина отказалась от адвоката под тем идиотским предлогом, что она ни в чем не виновата, и пообещала подать жалобу на полицейских за нанесенные побои. Председательствующий велел ей успокоиться – «Я не давал вам слова!» – и она немедленно обозвала его милитаристом.

– Я горжусь своими убеждениями, мадам.

– Вы обыкновенный мясник!

Подсудимую вывели из зала. По требованию прокурора Кристину приговорили к шести месяцам тюрьмы с отсрочкой исполнения наказания и к полутора тысячам штрафа. Немыслимая сумма!

Удар молотка, следующее дело...

Вечером Кристину выпустили. Она наотрез отказалась подписывать постановление об освобождении из-под стражи и потребовала, чтобы ее освидетельствовал врач. Дежурный жандарм велел ей убираться, и поживее! – она назвала его легавым придурком. Он заколебался, презрительно фыркнул и сказал, что ей самое место в дурдоме. Морис и Йозеф поняли, что пора вмешаться, и попытались увести Кристину, она упиралась, заявляя, что не уйдет без своей сумочки. Сумочка, скорее всего, потерялась во время ареста, но Кристина была уверена, что полицейские ее украли.

– Все вы – продажные мерзавцы!

– Если не заберете эту бесноватую отсюда сию же секунду, я снова посажу ее под замок, – пообещал дежурный.

– Мне нужна моя сумка! Где мой кошелек? Они его сперли! Сволочи!

Йозеф и Морис с трудом вытолкали Кристину из дежурки, и на улице – видимо, подействовал свежий ночной воздух – она моментально успокоилась, перейдя от крайнего возбуждения к почти летаргическому спокойствию. Они молча шли по пустынной улице д’Исли, она автоматически переставляла ноги и вдруг застыла перед освещенной витриной модного магазинчика, с ужасом вглядываясь в свое распухшее лицо. Кристина провела дрожащей рукой по губам, поправила прическу, промокнула носовым платком саднящие ладони и медленно повернулась к Йозефу:

- Скажи честно, я обезображена?
 - Не беспокойся, я тебя подлечу.
 - Все равно я завтра не смогу выйти на сцену.
- Морис взял ее руку, поцеловал и улыбнулся:
- Немного грима – и никто ничего не заметит.
 - Мы не делали ничего плохого. Просто выступали за мир.
 - Они скоты, – утешил ее Морис.

Царапины и ссадины оказались поверхностными. Йозеф осторожно промыл их и обработал перекисью водорода. Помада «Красный поцелуй» замаскировала разбитую губу, а гематому на левом бедре смазали йодом. Кристине повезло: в стычке ей ничего не сломали, хотя она вырывалась, а может, даже кусала полицейского. Другой агент оторвал ее от сослуживца, толкнул на мостовую, потащил за руку, она сопротивлялась, пыталась подняться, получила удар локтем по носу, потом кто-то наступил на нее...

Кристина не собиралась сдаваться: она обязательно подаст жалобу за побои и украденную сумочку, бояться нечего, сотни свидетелей видели, с каким остервенением ее колошматили легавые.

- Мы вооружены только идеями, но они нас боятся.
- У меня есть знакомый адвокат, жесткий ловкач, если хочешь, можем его нанять, – предложил Морис.
- Еще как хочу!
- Завтра утром тебя осмотрит мой врач и выдаст свидетельство.
- Ты прав.
- Дело принципа, любовь моя. в борьбе за мир торговля неуместна.
- Хорошо, что у меня есть ты.

Йозеф с удивлением взглянул на Мориса: тон у него был очень убедительный, но глаза он прятал.

- Гитлера красивыми словами не остановишь, – бросил Йозеф. – Всех немецких пацифистов он перебил, тех, кто сопротивлялся режиму, отправил в лагеря. Войны не миновать.
- Ты понимаешь, что будет бойня? Это же чистое безумие! – огрызнулась Кристина.
- С фашистами нельзя вступать в переговоры. Столкновение неизбежно. Что станешь делать, когда они нападут? Придется защищаться, так что пора начинать готовиться.
- Если все будут поступать, как это сделал ты, не поехав в Испанию, Гитлеру не о чем беспокоиться.

- Ты просто жалкий завистник.
- Некоторым хватает мужества, другие родились трусами.

Йозеф был растерян, обижен и разозлен:

- Вот, значит, как: за Испанию воевать следовало, а против Гитлера нет? Знаешь, в чем главная проблема пацифистов? Все вы глупы как пробки!

Йозеф ушел и не обернулся. Никто его не окликнул, не попытался вернуть. Он надеялся, что вечером к нему заглянет Нелли или Морис, но они не пришли.

Каждый новый день усиливал терзания Йозефа. Он говорил себе: все конечно, лучше разозлиться и остаться одному, чем предать себя, но не мог не понимать, что у него проблема,

что он был слишком непримирим и обидел друзей. Он не жалел о сказанном, но разрыв с Морисом, Кристиной и Нелли тяготил его. Он думал о ссоре днем и ночью, понимал, что Кристина была одновременно права и не права, и не мог не уважать ее за силу характера и твердость убеждений. Кроме того, она попала в больную точку: он действительно искал предлог, чтобы не записываться в интербригаду. Да, он раньше других понял всю безнадежность борьбы с франкистами, но это слабое извинение.

Нелли появилась через две недели. Она курила у подъезда и издалека заметила, как Йозеф идет по тротуару, читая на ходу газету.

– Ты дуешься? – спросила она, и он не нашелся что ответить. – Мы же не поссорились? – не успокаивалась Нелли.

Он и забыл, какие у нее дивные зеленые глаза.

Нелли была наделена природным жизнерадостным бесстыдством и неотразимо соблазнительным движением наклоняла голову к плечу. Она медленно приблизила свое лицо к лицу Йозефа и поцеловала его в губы. На улице! При людях! Боже, это же верх неприличия! Оба с трудом сдерживали дрожь.

Он так сильно стиснул ее в объятиях, что она едва не вскрикнула. Прохожие отводили взгляд, укоризненно качали головой, сокрушались: «Мы многое повидали, но такое...», «Куда катится мир?!».

Йозеф с превеликой радостью лишился репутации добропорядочного доктора.

Нелли схватила его за руку, они не стали ждать лифта, перепрыгивая через ступеньку, взбежали на четвертый этаж и остановились, переводя дух. Нелли снова поцеловала Йозефа, не позволила ему зажечь свет, а когда он попытался дрожащей от нетерпения рукой вставить ключ в замочную скважину, принялась стягивать с него пиджак. «А вдруг кто-нибудь выйдет?» – прошептал он. Она не услышала или притворилась, что не услышала, и они занялись любовью прямо на площадке, перед квартирой. У соседа на верхнем этаже работало радио, звучала джазовая композиция «Мартиника», музыка страсти.

Они ужинали в ресторане на площади Нельсона. Нелли ни словом не упомянула недавнюю ссору. Она рассказала, что Мате репетирует с ними новую пьесу ирландского драматурга Джона Миллингтона Синга «Удалой молодец, гордость Запада» и у нее нет ни минуты свободной. Ни минуты, трижды повторила она, давая понять, что только поэтому не появлялась у него так долго. Мате сам играл одну из ролей, исправлял перевод, переделывал текст.

– Нам всем очень трудно, он каждый день меняет трактовку.

Нелли сжала руку Йозефа, залпом выпила бокал красного вина и робко спросила:

– Ты согласишься встретиться с Кристиной?

– Почему бы и нет...

– Слава богу! Я боялась, ты откажешься. Мне так хочется, чтобы все стало как раньше!

Премьера спектакля пришлась на один из дней, когда Йозеф ездил в Сетиф. Он вернулся около часа ночи и нашел под ковриком приглашение, подписанное Нелли и Кристиной.

Его ждали «с нетерпением».

Йозеф очень устал, но все-таки отправился на площадь Генерала Бюжо, в театр «Современное творчество». Зал был заполнен до отказа. Действие пьесы происходило в девятнадцатом веке в ирландской деревне, сцена была оформлена колодцем и скамьей, на заднике художник изобразил дерево у подножия холма. Мате играл сына, винящего себя в смерти отца, которого ненавидят и презирают все односельчане. Йозефу показалось, что у него проблемы с дикцией.

– В этом зале чудовищная акустика, – объяснила ему потом Нелли, выглядевшая очень убедительно в роли дочери пастора.

Публика горячо приняла спектакль и аплодировала артистам целых десять минут, чем немало удивила Йозефа. Он с трудом протолкался за кулисы, где все хвалили игру Кристины. Дверь гримерки открылась, она увидела Йозефа и так обрадовалась, что кинулась ему на шею и расцеловала. Он сказал: «Ты потрясающе играла!» Она почему-то удивилась и спросила:

– Правда? Ты действительно так думаешь?

– Честное слово! – подтвердил он с искренностью воришки, застигнутого на месте преступления. – Это было потрясающе, невероятно, ты играла... неповторимо.

Она просияла ослепительной улыбкой:

– Ты не представляешь, как это для меня важно.

Йозеф не лицемерил. Он не слишком хорошо разбирался в театральном искусстве и просто убедил себя в том, что Кристина играла замечательно. Морис расцеловал Йозефа, обнял его за плечи и сказал:

– Счастлив тебя видеть, дружище. Она потрясающая, правда? Давайте отпразднуем, я вас приглашаю.

Сидевший за столиком Мате выглядел разочарованным – добровольный сбор от спектакля оказался рекордно низким. Один из артистов заявил, что существует прямая связь между выручкой и реакцией публики на постановку.

– По-моему, зрители были в восторге, – сказал Йозеф.

– Жалкие жмоты! В следующий раз будем брать плату за вход.

Морис поднял бокал и произнес тост за воссоединение со старым другом.

– Вы поругались? – удивился Мате.

– Пустяки, не о чем говорить, – поспешила ответить Нелли.

– Мы не позволим политике разлучить нас, – продолжил Морис. – Не будем об этом говорить. Тот или та, кто затеет политический спор, заплатит штраф. Поведет всех в кино. Имею честь пригласить вас завтра в «Мажестик» на американский фильм с Кэри Грантом «Только у ангелов есть крылья»⁷⁴.

– А почему не в «Трианон»? Там идет «Набережная туманов»⁷⁵, – спросила Нелли.

– Я уже взял четыре билета.

Кристина терпеть не могла фильмы, воспевавшие грубую силу, и злилась, когда кто-то выбирал за нее, куда идти и что смотреть. Морис клялся, что скучно не будет, в фильме много действия, герои-летчики, никакой приторности, как у Карне, потом они пойдут есть мороженое, но все было тщетно. Кристина и Нелли решили отправиться в «Трианон», предвкушая удовольствие от истории любви разочаровавшегося в жизни дезертира и падшей женщины.

– Вы же не бросите меня одного? Я даже билеты сдать не могу!

– Давайте не будем спорить из-за фильма, мы ведь собрались, чтобы отпраздновать примирение, – попытался вмешаться Йозеф. – Сходим на следующей неделе, «Набережная» будет идти еще долго.

Йозеф подошел к стойке, сказал что-то на ухо Падовани, тот кивнул, выбрал конверт с пластинкой и исчез за перегородкой. Зазвучали первые такты «Возвращения». Йозеф вернулся к столику, протянул Кристине руку, и она не колеблясь пошла за ним следом. Йозеф танцевал с закрытыми глазами, Кристина тоже опустила веки, и они медленно заскользили по дорожке, уносимые мелодией танго. Кристина танцевала прекрасно, Йозеф чувствовал трепет ее тела, она отдавалась на его волю – о, как партнера, не более того! Ее рука у него на шее, она ласкает его кожу, нет, показалось, нога прижимается к ноге...

⁷⁴ «Только у ангелов есть крылья» – художественный фильм 1939 г. режиссера Ховарда Хоукса.

⁷⁵ «Набережная туманов» – французский художественный фильм режиссера Марселя Карне, созданный в 1938 г. по роману Пьера Мак-Орлана. В главных ролях – Жан Габен, Мишель Симон, Мишель Морган и др. Фильм считается одним из лучших образцов «поэтического реализма».

Когда танец закончился, другие пары долго им аплодировали.

– Обожаю эту песню, – сказал Йозеф.

– Да, она очень трогательная.

– Гардель поет для каждого из нас. В Праге у меня были все его пластинки.

Падовани поставил «*El día que me quieras*»⁷⁶, еще одно восхитительное танго великого аргентинца. Йозеф хотел снова пригласить Кристину, но она повернулась к Морису и спросила:

– Потанцуем?

– Послушай, я устал, мне завтра рано вставать, пора домой. – Он сделал знак официантке: – Мишель, принесите счет мне.

– Ты снова за свое!

– Я же сказал, что приглашаю.

– Только не меня. Поступим как обычно. Каждый платит за себя.

– Сделай одолжение, не упрямысь! Это доставит мне удовольствие.

– Ни за что! Я достаточно взрослая и могу сама за себя заплатить. Мне до чертиков надоел твой мужской гонор.

– О чем ты?

Кристина покопалась в сумочке и раздраженно швырнула ее на стол:

– Одолжи мне немного денег, Нелли.

Та достала из кошелька две купюры по десять франков и горстку мелочи и протянула подруге:

– Все, что есть, я сегодня не богата.

– Может, все-таки перестанем спорить из-за какого-то жалкого обеда? – вмешался Морис.

– Ненавижу благотворительность! Я же сказала, что не продаюсь.

– Могу выдать тебе гонорар за будущие гастроли, – предложил Мате.

– Ты уже заплатил мне за два месяца вперед.

– Вот моя доля, – вмешался Йозеф, доставая бумажник.

– Я не возьму денег от милитариста!

Бесконечные штрафы, в том числе та огромная сумма, которую пришлось заплатить по решению суда, разорили Кристину. Мать (они почти не общались по причинам, которых никто не знал) прислала ей из Сент-Этьена телеграфный перевод с припиской, что делает это в последний раз. Когда обращаешься за помощью, в ответ следует хотя бы поблагодарить и пожелать удачи в новом году, но Кристина была слишком горда, чтобы так поступить. Приятельница Мате нашла ей работу – не слишком хорошо оплачиваемую, но и необременительную: по вечерам Кристина преподавала театральное мастерство и участвовала в радиопостановках, что позволяло ей выживать. Хозяин ресторана «Марселец» открыл Кристине кредит (она ведь актриса!), Падовани тоже кормил ее в долг, хотя его жена ворчала все громче. Этим вечером она открыто высказала свое недовольство:

– Мне неприятно это говорить, малышка, но, если нет денег на ресторан, питайся дома.

– Не слушай ее, моя красавица! Хозяин здесь я, так что можешь приходить, когда захочешь.

– Я не твоя красавица!

Кристина выбежала, хлопнув дверью, Морис последовал за ней. Падовани был ошарашен, его жена торжествовала:

– Можешь попрощаться со своими деньгами, болван!

⁷⁶ «*el día que me quieras*» – «День, когда ты меня полюбишь». Музыка Карлоса Гарделя, слова Альфредо Ле Пера (1935).

Вскоре на стене над стойкой бара появилось объявление в красивой рамке, на которое сначала никто не обратил внимания. Всякий раз, когда один из клиентов просил отсрочки – «Ты же меня знаешь, я обязательно заплачу!» – папаша Падовани отсылал его к супруге, та молча кивала на рамку, и неудачник узнавал, что «Недобросовестные плательщики подло прикончили кредит».

Выход из тяжелой ситуации был найден сообща и единогласно: Морис и Йозеф приглашают девушек на ужин к себе домой и готовят по очереди. Если Кристина и Нелли играли спектакль, компания встречалась после театра. Нелли не нравилось «меню» – спагетти, омлеты и рис с помидорным соусом, но солидарность есть солидарность, разве быть вместе – не главное в этой жизни?

Домашние трапезы проходили куда более спокойно и обыденно, никто не смеялся, не отпускал идиотских шуточек, долго отсутствовавшие друзья не вываливали им на голову кучу новостей. За столом Кристина, Нелли, Морис и Йозеф чаще всего молчали, боясь затронуть «опасные» темы. У Мориса был детекторный приемник, ловивший передачи с другого конца света (даже из Нового Орлеана!). они усаживались в кружок, слушали джаз и фантастические сольные композиции на кларнете. Йозеф купил переносной фонограф фирмы «Граммофон» с автостопом и дюжину пластинок Гарделя на 78 оборотов.

Как он мог так долго обходиться без этой волшебной музыки?

Девушки находили Гарделя слишком «сладким». Йозеф хотел было организовать «танцы на дому», собрался передвинуть стол и кресла, но почти сразу отказался от этой мысли: звук у проигрывателя был не очень сильный, да и дансинг из обычной столовой вряд ли бы получился.

Иногда пары разделялись и проводили вечер каждая по-своему.

Нелли с Кристиной были очень разными по характеру. Одна любила, когда ее приглашали, другая терпеть этого не могла.

– Я женщина, но не феминистка. Ты можешь за меня платить, – уточняла Нелли. – Не каждый мужчина удостоивается такой чести.

Йозеф не раз оплачивал их с Нелли ужины, но чаще всего они делили счет пополам.

Кристина жаждала финансовой независимости. Она отказала Морису, объяснив, что не признает законов, обязывающих ее подчиняться мужу, хочет работать, иметь счет в банке, получать паспорт, не спрашивая на то согласия супруга. Морис решил поймать ее на слове.

– Я передаю тебе полномочные права на мою любовь! – торжественно провозгласил он.

– Вот это-то и недопустимо. Я предпочитаю остаться холостячкой. Хочу жить свободным человеком, а не женой мсье такого-то или такого-то!

Список требований Кристины был довольно длинным. Она хотела иметь право избирать, быть избранной – как турецкие и английские женщины, самостоятельно распоряжаться собственным имуществом; получать за работу ровно столько, сколько получают мужчины. Она считала, что домашние обязанности должны распределяться поровну между мужем и женой, и не сомневалась, что женщина может работать по любой специальности. Она называла нетерпимым закон 1920 года, наложивший запрет на свободную продажу контрацептивов. Самую лютую ненависть она питала к религиозной догме, возводящей закабаление в идеал: место любой женщины – у домашнего очага.

Время от времени, устав от бессмысленной борьбы, Кристина говорила:

– Это узаконенное насилие убивает нас, мы бессильны...

– Ты о чем? – вскидывался Морис.

Йозеф и Нелли не могли не заметить происшедшей с Морисом перемены. Раньше он не проявлял интереса к проблемам общественной жизни, но в это смутное время каждому приходилось определяться. Морис питал родовую ненависть к Народному фронту, разорив-

шему страну. До сего дня он повторял за другими: Муссолини возродил Италию, дав итальянцам работу, нам необходима сильная личность, чтобы покончить с псевдобедняками, жаждущими прикарманить деньги богатых людей.

Сначала Кристина спрашивала: «Тебе-то что за дело? Ты, насколько мне известно, совсем не богат?» – «Я разбогатею, – отвечал Морис. – Не собираюсь всю жизнь работать „на дядю“».

Морис, подобно многим другим, считал войну неизбежной.

И вот в самом начале нового года на Мориса «снизошла благодать», и он стал убежденным пацифистом, со страстью неопита клеймил сторонников перевооружения армии, увлеченно читал Ромена Роллана и горячо рекомендовал его друзьям, перестал высмеивать «нелепые требования» слабого пола, забыл свои издевательские намеки на женские комплексы и психологические слабости – короче говоря, превратился в верного спутника и соратника яростных суффражисток. Теперь Морис готов был не только словом, но и делом сражаться с теми, кто называл феминисток гарпиями и дурными матерями.

Ярче всего новая ипостась Мориса проявлялась в присутствии Кристины. Когда ее не было рядом, он оставался прежним и рассуждал «как все». Друзья жалели Мориса и не обращали внимания на то, что Йозеф называл приспособленчеством: неожиданная перемена гарантировала Морису благодарность и восхищение любимой женщины.

– Как она может его любить? – удивлялся Йозеф.

– Любовь слепа, ты разве не знал? Она наконец счастлива, ну и слава богу, – отвечала Нелли.

– Что она в нем находит?

– Он веселый, красивый, пылкий и очень ее любит.

– Они друг другу не подходят, вернее, он ей не пара.

Морис совершил сделку века. Первую за свою африканскую «карьеру». Он во всех деталях описывал ее друзьям и всем окружающим. Было очевидно, что Морис говорит чистую правду: многократно повторенный рассказ сходил в всех деталях. Он несколько раз «проставлялся» у Падовани и завел много новых друзей. «Хоть и парижанин, а не заносится», – говорили они. Морис оплатил долги Кристины, но не знал, как ей об этом сказать, – боялся, что она рассердится. Морису удалось продать огромный дом с английским парком, нормандским садом, пальмовой рощей, конюшней, службами и видом на море.

Блестящая операция! Проведена без сучка без задоринки, рукой мастера. Мориса прилюдно похвалил его патрон Морель, не слишком щедрый на комплименты. Никто и подумать не мог, что ему удастся сбыть с рук это владение: в нынешних обстоятельствах его просто невозможно было продать – ни за какую цену! Морис нашел покупателя, только что вышедшего в отставку генерала, его жена влюбилась в Алжир и решила вложить в недвижимость доставшиеся в наследство деньги. Почтенному генералу, уроженцу Сент-Аман-лез-О, было неведомо значение слова «торг», ему бы и в голову не пришло обсуждать цену. Когда дорогая супруга, мать пятерых детей, призналась, что это дом ее мечты, он повернулся к Морису, вынул монокль и щелкнул каблуками:

– По рукам! Дело сделано.

Морису стало совестно надувать почтенного вояку – чувство было новое и странное (позже он без труда избавился от этого «комплекса новичка»).

Лоб в испарине. Едва заметное дрожание нижней губы.

Когда он объявил «своему генералу», что по собственной инициативе добился для него существенной скидки, тот начал отказываться – окружающие могут подумать, что он не способен обеспечить семью! – но Морис не сдался: недопустимо обманывать офицера французской армии.

– Прошу вас, мой генерал.

– Я высоко ценю вашу щепетильность, молодой человек, сегодня это большая редкость.

Морис совершенно очаровал генеральшу – «Вот что значат семья и хорошее воспитание!» – и стал своим человеком в доме. Раз в месяц его приглашали на прелестные воскресные полдники, которые хозяйка дома называла *garden-parties* и где бывали сливки алжирского общества.

Если рай когда-нибудь существовал, он наверняка находился в этом красивейшем месте, где-то между Сиди-Феррухом и Зеральдой, так близко и так далеко от Алжира: тянувшийся до горизонта пляж с золотым песком, роща клонящихся к земле приморских сосен, группы пальм, море опалового цвета, первозданная тишина, нарушаемая легким, как шелк, ветерком. Здесь человеку казалось, что он присутствует при рождении мира, как наш праотец Адам. В это беззаботно-счастливое августовское воскресенье 1939 года Кристина проглядывала газету, Нелли загорала, Морис и Йозеф занимались серфингом.

– «Мы стоим на краю. Мы не сумели остановиться, пока еще было возможно. Европа скоро взорвется», – прочла вслух Кристина.

– Выбрось газету, не отравляй себе жизнь, лови минуты счастья, – не открывая глаз, посоветовала Нелли.

– Возможно, это наше последнее мирное воскресенье.

– Эй вы там, лентяйки, идите купаться, – звали из моря Морис и Йозеф.

В начале сентября Гитлер захватил Польшу. Все этого ждали и все-таки удивились, Франция и Великобритания объявили Германии войну. Жесточайшее лобовое столкновение стало неизбежным. Новый Верден, или тотальное уничтожение человечества. Почти год ничего не происходило. В Алжире по-прежнему слушали новости по радио, хорошими их назвать было нельзя, но это никому не мешало работать, ходить на танцы, есть всей семьей мороженое. Людям хотелось еще хоть немного пожить спокойно, и они постепенно привыкали к «странной» войне. Некоторые предсказывали, что настоящих боевых действий не будет, все устроится путем тайных переговоров: заключили же, в конце концов, Германия и СССР пакт о ненападении.

Кристина не теряла надежды:

– Никто не хочет умирать за Данциг или Польшу. Еще есть шанс сохранить мир.

Была объявлена всеобщая мобилизация. В срочном порядке сформировали 19-й армейский корпус. Мориса приписали к 1-й алжирской пехотной бригаде, одной из двух частей, которым не грозила отправка в метрополию, а позже перевели ординарцем в штаб. Только близкие знали, как ему удалось это повернуть. На сей раз он был на редкость неразговорчив и скуп на детали, – видимо, «наверху» порекомендовали держать язык за зубами.

– Я родился под счастливой звездой, – объяснял он скептикам.

Морис возил «своего» генерала на службу, а вечером доставлял его домой. Он утверждал, что в командном пункте царит олимпийское спокойствие. За ними (то есть за всеми нами) стоит империя, огромная французская колониальная держава с территорией в тринадцать миллионов квадратных километров, населением семьдесят миллионов человек и огромными природными богатствами. Народы империи наконец-то смогут выразить свою благодарность вечной великой Франции, которая так много для них сделала. Эта тыловая база, недоступная для хищников вроде Англии и Америки, предоставит в распоряжение министра колоний шестьсот тысяч хорошо обученных и полностью экипированных солдат.

Служба Мориса протекала спокойно, но обязанностей в Национальном фронте у него было много, и он неустанно вторил аргументам Кристины. Нет, Морис не был уклонистом, он таким образом просто выражал свои пацифистские убеждения. Ему невероятно

нравилась его работа. Он избежал печальной участи солдат трех североафриканских дивизий, выставленных на передовую и принявших на себя первый удар немцев. Французы и «туземцы» сыграли роль пушечного мяса, ритуальной жертвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.